

ЗАКОН И ВЛАСТЬ

№2
2019

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ, ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Проблемы невысокого уровня доверия граждан России понятия политического института в эпоху Античности.
Егоров В.Г. 3

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Междисциплинарный проектный подход как методологическая основа в исследовании гражданского активизма в современной политической науке. *Сулимов Н.Ю.* 9
Проблемы невысокого уровня доверия граждан России к выборам депутатов Государственной Думы.
Дюг М.И., Грудинин Н.С. 14

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Современное состояние исследований проблематики функционирования механизмов политических процессов управления. *Мусиенко Т.В.* 18

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА. ЭТНОПОЛИТИКА

Этапы развития региональной политики Европейского Союза.
Нурьшев Г.Н. 23

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ

Вопросы государственного управления: административно-правовой аспект. *Соколова А.О.* 29

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Исследование коррупции в сфере государственных закупок через призму принципов контрактной системы.
Алехина О.В. 32

Управленческие инструменты противодействия коррупции в сфере закупок. *Александрова А.А.* 36

Юридическое лицо как субъект правоотношений.
Симакова Д.Е., Слепухин Ю.А. 40

Регулирование предпринимательской деятельности в особых экономических зонах в Российской Федерации: правовой аспект. *Радкевич К.Д.* 44

Гражданско-правовые интересы: особенности, отличительные признаки. *Семенов К.Б.* 47

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОВОТВОРЧЕСТВА

Проблемы противодействия экстремизму в сети Интернет.
Павлинова Е.Ю. 50

СУДЕБНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Проблемы реализации решений Европейского суда по правам человека в системе правосудия Российской Федерации.
Лесных Е.С. 54

Правовое регулирование предпринимательской деятельности: судебно-арбитражная практика.
Горелов Н.С., Джинджолия Р.С. 57

Учредитель: ООО «Русайнс»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-67801 выдано 28.11.2016
ISSN 2587-831X Подписной индекс Роспечати 65005

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: zakon.i.vlast@mail.ru Сайт: http://zakonivlast.ru/

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., декан факультета анализа рисков и экономической безопасности им. проф. В.К. Сенчагова, Финансовый университет при Правительстве РФ (*гл. редактор*)

Баранов Николай Алексеевич, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры международных отношений, Северо-западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Буренко Владимир Иванович, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры философии и политологии, Московский гуманитарный университет

Гончаров Петр Константинович, д-р социол. наук, проф., Юридический институт, Российский университет транспорта (МИИТ)

Гущин Василий Васильевич, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры гражданского и предпринимательского права, Всероссийский государственный университет юстиции (*зам. гл. редактора*)

Завершинский Константин Федорович, д-р полит. наук, проф., кафедра теории и философии политики, Санкт-Петербургский государственный университет

Конышев Валерий Николаевич, д-р полит. наук, проф., кафедра теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет

Корконосенко Сергей Григорьевич, д-р полит. наук, проф., зав. кафедрой теории журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет

Косов Геннадий Владимирович, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры теории и философии политики, Санкт-Петербургский государственный университет

Малько Александр Васильевич, д-р юрид. наук, проф., директор Саратовского филиала, Институт государства и права РАН

Мартьянов Борис Федорович, д-р полит. наук, кафедра международных отношений и внешней политики России, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Нисневич Юлий Анатольевич, д-р полит. наук, проф., Департамент политической науки факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"

Нурьшев Геннадий Николаевич, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Павликов Сергей Герасимович, д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ

Сардарян Генри Тигранович, д-р полит. наук, декан факультета управления и политики, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Скитович Виктор Викторович, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»

Смоленский Михаил Борисович, д-р социол. наук, канд. юрид. наук, проф., заведующий кафедрой теории государства и права, РГУПС

Шагиева Розалина Васильевна, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Чаннов Сергей Евгеньевич, д-р юрид. наук, проф., заведующий кафедрой служебного и трудового права Поволжского института управления им. П.А. Столыпина — филиал РАНХиГС

Яковлев Александр Юрьевич, д-р полит. наук, зам. заведующего кафедрой государственного и муниципального управления, Институт государственного управления и права, Государственный университет управления

Главный редактор:

Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., декан факультета анализа рисков и экономической безопасности им. проф. В.К. Сенчагова, Финансовый университет при Правительстве РФ

Отпечатано в типографии

ООО «Русайнс», 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Тираж 300 экз. Подписано в печать: 05.07.2019
Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

List of References

THEORY AND PHILOSOPHY OF POLITICS, HISTORY AND METHODOLOGY OF POLITICAL SCIENCE

Spirituality and morality as principles of conceptualizing the concept of a political institution in the era of Antiquity.
Egorov V.G. 3

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

An interdisciplinary project approach as a methodological basis in the study of civic activism in modern political science.
Sulimov N.Yu. 9

Problems of the low level of confidence of Russian citizens in the elections of deputies to the State Duma. *Dyug M.I., Grudin N.S.* 14

POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT

The current state of research on the problems of functioning of the mechanisms of political management processes. *Musienko T.V.* 18

POLITICAL REGIONALISM. ETHNOPOLITICS

Stages of development of the regional policy of the European Union. *Nuryshv G.N.* 23

STATE AND LAW IN THE MODERN WORLD: PROBLEMS OF THEORY AND HISTORY

Public administration issues: administrative and legal aspect. *Sokolova A.O.* 29

PROBLEMS OF CIVIL LAW AND LEGAL REGULATION OF ECONOMIC ACTIVITIES

Investigation of corruption in public procurement through the prism of the principles of the contract system. *Alekhina O.V.* 32

Anti-corruption management tools in procurement.
Alexandrova A.A. 36

Legal entity as a subject of legal relations.
Simakova D.E., Slepukhin Yu.A. 40

Regulation of entrepreneurial activity in special economic zones in the Russian Federation: legal aspect. *Radkevich K.D.* 44

Civil interests: features, distinctive features.
Semenin K.B. 47

TOPICAL ISSUES OF MODERN LAW-MAKING

Problems of countering extremism on the Internet.
Pavlinova E.Yu. 50

JUDICIAL AND LEGAL ENFORCEMENT

Problems of implementation of decisions of the European Court of Human Rights in the justice system of the Russian Federation.
Lesnykh E.S. 54

Legal regulation of entrepreneurial activity: judicial and arbitration practice. *Gorelov N.S., Dzhinjolia R.S.* 57

ДУХОВНОСТЬ И НРАВСТВЕННОСТЬ КАК ПРИНЦИПЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА В ЭПОХУ АНТИЧНОСТИ

Егоров Владимир Георгиевич,
д.э.н., д.и.н., проф., Институт стран СНГ

Рассматривая историю политико-правовых учений, заметим, что это – история взаимоотношений между человеком и государством, человеком и обществом, человеком и политическими партиями, человеком и политическими институтами. Идеи о политическом будущем человека зародились в период античного философского мышления, то есть в доклассический период политической науки, длившийся до конца XV века. Очевидно, не стоит утверждать о возникновении в настоящее время понятие «политические отношения» в современном его понимании, но понятие «общественные отношения» использовать целесообразнее. Присущий для античности патриархальный тип межличностных отношений, присущий античности, вполне экстраполировался на общественные отношения. Кастовое разделение способствовало развитию первых вариантов трактовки сущности человека, учитывая его пребывание в пределах полиса. Понимание понятия «человек» в источниках философского видения древнегреческих мыслителей вытекает из критериев общественной роли, производительности в определенной отрасли производства и деятельности в управленческих делах города-государства.

Ключевые слова: философское видение, государство, развитие, политические свойства, результат.

Характеризуя личность, Аристотель выделил несколько присущих ей признаков, которые конституируют человека политическим существом. Первая – могущество как наделение властью, честолюбие и мужество, характеризующее человека как благородного и значимого. Вторая – "удачливость", под влиянием которой человек превращается в высокомерного и безрассудного. Третий критерий – богатство в виде детерминанты человеческого характера и фактора социальной стратификации [10, с. 89].

С точки зрения Б. Кухты, бытие и сущность политического человека определяли прежде всего жизнь в государстве. Ее становление началось с семьи, затем – из поселения, города и, наконец, полиса. Политические свойства человек приобретает в процессе социализации, становясь членом гражданского общества и государства. Государственное объединение – это результат формирования социального, гражданского состояния человека и создания политики между гражданами, которые, развиваясь с первичного этапа социализации, выходят на уровень сформированного политического пространства [9, с. 119].

В эпоху античности началось общее политическое участие для граждан полиса. Синонимичность социального и политического проявляется через отсутствие распределения функций гражданина – экономическо-управленческой, политической и культурной, которые не составляли отдельных видов человеческой деятельности и не противопоставлялись. Фактор социальной роли, актуализировался в античности, эволюционировал с каждой стадией исторического развития. Политика в период полисной жизни составляла специфический вид человеческой деятельности и трансформировалась в социальный институт, связанный с формированием и осуществлением публичных норм жизни, принятием решений. Поэтому политика возникает как социальная сфера, сконцентрированная вокруг решения публичных дел.

Концептуализация общественно-политической жизни человека античными философами использовала основополагающие принципы – духовность и нравственность. Представление о связи личности и общества, интерпретация становления и са-

моутверждения индивида проистекающих из социальных и культурных стандартов традиционного общества. Актуальными были учения о добродетели, связывавшие личность с социокультурной системой. Идея духовности, или духовное начало бытия, лишённые материального выражения, олицетворяли самую суть и направлялись на познание смысла человеческой жизни. Переломным этапом для философской традиции стало рациональное понимание духовности. Это способствовало возникновению знаний о природе мироздания, которую до этого момента считали тайным мистическим символом.

В работе «О “греческом чуде” и менталитете древних греков» Ф. Кэссиди акцентирует на исключительно сильном духовном заряде древнегреческой культуры, который заложил основы всей, кроме средневековой, европейской культуры. Понятие «эллин» уже не столько отражало происхождение, сколько культурную принадлежность человека к социуму. Главную особенность древнегреческой духовной атмосферы составляла культура речи, которая соединила и художественное, и логическое мышление, воздействуя на чувства и разум граждан. Деятельность в сфере теоретизирования, в жизни древних греков, созерцание бытия достойны для человека и соответствуют его естественным характеристикам. Надматериальные науки и первенство духовных потребностей над материальными свидетельствуют, с точки зрения Ф. Кэссиди, духовный потенциал древних греков [8, с. 123].

Понятие «духовность» играло значительную роль в решении ключевых проблем общественно-политической жизни, определив человека, ее место и назначение в государстве. Духовность была несколько абстрактным понятием, не привязанным к человеческой или божественной сущности, которая отражалась в пространстве, полисе, слове (логосе), публичной деятельности, гражданстве, составляя в сочетании политику и социум. Дух "сходства" людей абсолютно воплотился в общественном мнении общества, что сказалось на покорении индивидуального интереса общему и сделало невозможным существование по крайней мере двух явлений – чувства индифферентности и аполитизма. Афинскую духовность отождествляли с десакрализацией политических институтов, мышления, разума и мировосприятия.

Поэтому уверенно можем утверждать: объективно присущим началом, неоспоримым и важным требованием внутренних убеждений, нравственности, теоретических и практических деяний в эпоху Античности является принцип духовности. Духовные ценности сформировали идеал политического человека – активного, публичного, красноречивого (говор), соревновательного, умного и критического. Принцип духовности составил своеобразную систему координат для участников политической жизни, в рамках которой развивались политические институты и гармонично сочетались политическое участие, политическое соперничество и стремление к совершенству.

Причастным к человеческой природе (даже более – человеческой добродетели) определялся самый общий и универсальный принцип нравственного идеала, который содержал представление о благе и счастье. Анализируя перспективы индивидуального и социального роста, античная философская традиция объясняла метафизические потребности в радостных, душевных, счастливых ощущениях человека через мораль. Именно нравственность ориентировала человека на достижение земного счастья с использованием в своей деятельности, поведения. Мораль как всеобъемлющий принцип была необходима для регулирования поведения человека, который руководствовался и рациональными, и иррациональными нормами с элементами сакрального и мистического. Поэтому мораль утвердилась в виде одной из форм бытия, существующего для самоутверждения реализуемого человека с позиции софистов, Сократа, Платона и Аристотеля, в деле жизни.

Рассматривая практическое воплощение теоретических конструктов духовного и нравственного принципов в социальную действительность, сосредоточимся на процессах контексте античной истории. Как известно, демократия составляла уникальный способ политической организации полиса, а именно понятие «демократия» начато в Древней Греции. Для греков демократия означала правление большинства, сформированного из бедных и невежественных людей. Именно недостаточность знаний, стремящаяся управлять бездарностью народной массы, стали позже весомыми аргументами осуждения демократии как формы правления Платоном и Аристотелем.

Целенаправленное привлечение граждан к политической жизни порождало почти ежедневное их участие в решении дел полиса. Возможность проголосовать гражданину предоставлялась только при участии во всех заседаниях, где был шанс на основе ораторских выступлений ознакомиться с обсуждаемыми проблемами. Такой своеобразный политический процесс создавал активный политический актор, а не индифферентную или легкомысленную личность, занимая все его жизненное пространство. Формировалось большое чувство ответственности за предоставленный гражданином «голос», ведь государственная поразка для каждого считалась унижением собственного достоинства, негативным фактором безопасности и богатства. Политическая карьера афинского гражданина развивалась очень стремительно.

В активе «Vita activa» Х. Арндт отметила, что из всех форм человеческого общежития (полисного состояния), лишь две признавались политическими – «действие» и «речь» [7]. Последнюю использовали при нескольких условиях. Во-первых – с целью ненасильственного способа осуществления политических действий. Слово побуждает к ведению политики как искусства отношений. Во-вторых – для достижения дипломатических переговоров с использованием в конкретных ситуациях необходимых для этого слов. «Быть политическим, жить в полисе предусматривало, что решение всех

дел происходит, – акцентирует Х. Арендт, – с помощью слов, направленных на убеждение, а не принуждение и насилие». Гражданин не применял насилие как инструмент ведения политики; такой способ мог быть присущ только внесударственному существу. Исследовательница утверждает, что характерным признаком древнегреческой политики этого периода была тенденция к различию между "действиями" и "словами", поэтому многие общественно значимые вопросы чаще всего оставались на уровне обсуждаемых.

Анализируя афинскую демократию, Я. Буркхардт в «Размышлениях о всемирной истории» отмечал: высшая мера покоя и постепенность свидетельствуют прежде всего «о наличии у афинян абсолютной политической одаренности» [6, с. 498]. Однако, Афины тоже прославились образованностью, искусством и культурой социального общения. Это обусловило определение Я. Буркхардтом полиса в виде «наиболее вероятной» государственной формы, зато Афины – «признаного всеми центра духовного обмена» (дух свободный и открытый), похожего на который не наблюдается даже среди «искусственной концентрации специалистов в наших современных столицах духовного общения».

Ученый Дж. Сарле, рассматривая феномены социальной реальности, в книге "Конструкция социальной реальности" отмечает, что речь сыграла основную роль в формировании институциональной реальности. Институциональные структуры, в нашем случае – государство и правление, не могут существовать без определенной формы языка, однако язык может функционировать без них. Дж. Сарле констатирует: слова и другие символы формируют факты, поэтому институциональная действительность на протяжении всей истории собственного становления, возникала на принципах речи, из чего следует – институт языка первичный в отношении других социальных институтов. Язык предстает основным социальным институтом, фундаментальной ценностью в процессе конструирования институциональных фактов [5]. «Только человек, – отмечал Аристотель – из всех живых существ владеет языком». Поэтому социальность, разум и речь – главные характеристики, выделяющие человека среди живых существ.

Институциональный факт (государство-полис, политические отношения) существует настолько, насколько его представляют существующим. Процесс умственного осмысления человеком (индивидуальная или коллективно интернациональность) порождает представление о некоем метафизическом явлении, которое средством языка обозначается институциональной структурой, что для всех имеет идентичную сущность. Человеческое сознание наполнилось осознанием социального конструкта, который действует в соответствии с общественной природой и присущими ей правилами функционирования. Политика в период античности стала продуктом человеческой интернациональности (сознания и речи) и, вмещая символические элементы (слова и символы), воплотилась в ин-

ституциональные факты – государство-полис и человека политического. Тогдашняя политическая философия сконцентрировалась на вопросе изучения природы человека. А. Лейст акцентировал, что Протагор и другие софисты подчеркивали изменчивый характер рассуждений человека и определяли его как носителя знаний и справедливости.

Сквозь призму природы, рассматривал человека Платон: каждый человек должен заниматься делом предназначенной ей от природы, оправдывая таким образом факт общественного неравенства. В платоновской концепции идеального государства и двух миров, процесса создания и политики не осталась без внимания значимость человека, ведь и мир идей, и мир вещей возникают результатом его умственной и физической деятельности.

Аристотель также трактовал политического человека ввиду природы, то есть речь шла о постепенном развитии личности, в результате чего он достигает общественного формирования. Именно линейный динамический путь, подобный к естественному, индивид преодолевает с целью перехода от примитивной до высших форм развития. Человек обладает способностью открывать широкое пространство для усовершенствования характерных ему способностей, чтобы реализовать последние в высшей природной организации-государстве. Аристотель определяет государство как «общение подобных друг другу людей ради достижения лучшей жизни» [4 с. 23]. В рамках государственной организации аккумулируется истинная человеческая природа – добродетели, способности и умения, что гораздо важнее примитивных потребностей нецивилизованной жизни за ее пределами. Смысл человеческой жизни в государственном измерении наполняется социальными качествами, которые не совпадают с признаками примитивного безгосударственного общества, зависящего от импульсов и инстинктов, присущих всем живым существам.

В связи с этим убеждаемся, по Аристотелю "государство относится к тому, что существует по природе, человек по своей природе – существо политическое". Б. Чичерин, рассматривая политическую концепцию Аристотеля, утверждает: хотя мыслитель и допускал существование человека вне государства, называя его «божеством» или «извергом», однако он отмечал, что только в целом часть находят свое предназначение и достигает собственного истинного существа; человек только в государстве, за управление правды и закона, становится человеком [3]. Полис в виде политического союза стал началом и концом всего. Итак, человек осмысливается лишь как элемент государства, где сконцентрировано все – общее благо, человеческая жизнь, закон, справедливость.

Определение Аристотелем человека как «политического животного» (zoon politikon) следует рассматривать с учетом его другое определение человека как «рационального животного» (zoon logikon). Благодаря своему обычному методу эм-

пирического наблюдения за окружением Аристотель пришел к выводу, что человек имеет тенденцию собираться вместе с другими людьми для формирования общности (полиса). Только через этот полис человек может всесторонне развиваться, реализовывать собственный потенциал. Однако «люди и пчелы имеют одинаковую тенденцию» – формировать общины. Поэтому определение Аристотелем человека как "рационального животного", направлено на то, чтобы окончательно выделить людей среди других животных. Люди отличаются от животных тем, что они имеют ум – качество, которое позволяет людям общаться и критиковать.

Б. Чичерин отметил, что для Аристотеля, как и для Платона, государство представляет высшее единство всей человеческой жизни и является известным союзом людей с целью высшего блага. Однако не менее важный социальный и первичный союз человека – семейный, который имеет другие существенные признаки по сравнению с государственным. Важным отличием, по Х. Арндт, является публичность государства, противостоящего приватности семьи. Институт семьи сформирован на иерархичности, неравенстве и патриархальности, а это делает невозможным обособленность личности, которая поглощена полнотой власти. Именно в политическом пространстве формируется феномен свободы, предоставляемый индивиду, находящемуся вне семьи как сферы господства необходимости и принуждения. То есть институт семьи (с властью главы семейства), – дополитическое формирование, лишённое хаотичности как естественного состояния. Зато полис создается равными между собой выходцами из семьи, где царит свободная жизнь, насыщенная государственными делами, но политика не трактуется исследователями как социальная рутина. Институт семьи и Институт государства взаимодействуют и сформированы вокруг человека. Последняя, однако, в каждом из них проявляет себя по-разному. В первом случае человек предстает «отцом» семьи и ее верховным правителем. Во втором – человек (тот же «отец» семьи) – это гражданин политического коллектива. Личность, становясь публичной, приобретает политическую связь с другими, разрывая частный. Участие в сфере публичного была нешуточным признанием, а также возможностью выделяться среди себе достойных мастерством слова и деяниями [2, с. 87].

Следовательно, становление политического человека непосредственно связано с созданием государства, с выделением властной иерархии и социальной стратификации населения. Функционирование индивида в сфере государственного управления и решения общественных дел тоже определяли ее как политическое существо. Бесспорно, «политичность» человека эволюционировала от наименее значимого политического участия в политической системе к политической субъектности через налаживание отношений с властью и расширение политических функций.

Сфера политического в аристотелевской теории сфера политического основана по становлению государства и охватывает все сферы общественных отношений и государственного управления. Впоследствии этот тезис станет теоретической основой исследовательских концепций, которые будут отождествлять политическое и государственное. Однако в политической теории Аристотеля не существует четкого различия государственной и общественной сфер, а каждый гражданин полиса является лицом, которое входит в общество в виде участника государственно-публичной жизни, что включает процесс управления и принятия решений. Поэтому сфера политического здесь рассматривается как единство социальной и государственной сфер, где государственные интересы неразрывно связаны с общественными. По сути, политическое начало пронизывало все сферы человеческой жизни и было неотделимо от социального.

Цицерон в труде «О государстве» учитывал антропологический фактор как мерилло и главную причину государствообразующего процесса, определяя государство как «дело народа» и «публично-правовую общность». Политическое философствование мыслителя сконцентрировано на категории человечности – важнейшем результате культуры, выработанной в древнегреческих полисах. Причем он отметил, что народ – не хаотическая совокупность людей, собранных определенным способом, это – общность граждан, связанных правовыми отношениями и общим интересом, а понимание ими божественных начал способствует формированию упорядоченного общественного существования. В общем Цицерон выделяет человека как свободного, образованного гражданина, активного участника в политической жизни общества и концептуализирует его сквозь призму понятия «идеальный гражданин» (*vir bonus*).

Концепт идеального гражданина был у Цицерона ответом на кризис и полисного состояния, и моральных ценностей, выработанных в нем. Новый образ нравственного гражданина в мыслителя фактически предстал как синтез древнегреческого духовного потенциала личности и стоических добродетелей римской традиции. В образовавшейся мировой обстановке государству поддерживать мораль и традиций уже не удавалось «под надзором общины, которая могла бы обеспечить «чистоту» образа жизни римских граждан. Изгнание «за Тибр» было равнозначно гражданской смерти». Поэтому гражданин в рамках древнеримской политической мысли, предстает как наделенная властью и политическим статусом лицо, государственный деятель, правитель. Ему присущи такие атрибутивные качества: нравственная порядочность в исполнении обязанностей; стремление к высшему благу; обязанность соблюдать добродетелей (познания истины, справедливости и благопристойности); сочетание морально-прекрасного с пользой и активной деятельностью на благо общества; подчинение частных интересов общегражданским; забота о всеобщем благе и защите

свободы государства [1, с. 50]. Учитывая морально-религиозный аспект, Сенека отмечал: "человек является святыней для человека" (*homo res sacra homini*). Он принадлежал к античным мыслителям, которые не видели смысла обсуждать в человеке политическое, но любовь к человеческой сущности составляла центральный мотив их теории морали. Политический подтекст сенековской философии раскрыт в высказывании «важен не столько результат действия, сколько ее мотив – это субъективная реакция на политическую действительность – тиранию, насилие, страх».

Философское видение политической природы человека в пределах древнегреческого полисного общества, встает с организации политического устройства этого прообраза государства. Отсутствие универсальности в общественных сферах, правового развития общин препятствовало свободно формировать социальные контакты за пределами территории отдельного полиса, раздробленность и отдельность которых, препятствовали целостному представлению о государстве как главной и единой форме организации всего общества. По мнению Б. Чичерина, «древнее государство должно гораздо больше цельности и художественности, чем новое, однако ее изящная, но узкая рамка, человеческая жизнь в дальнейшем развитии не могла вмещать». Древнегреческое государство олицетворяло первоначальную целостность жизни, поэтому ни личность с ее правами и интересами, ни общее моральное начало не стали автономными и не освободились от безграничности политического.

Итак, концептуализация человека политического в эпоху Античности основывалась на принципах духовности и нравственности. Политического человека трактовали в виде социального, государственного и политического существа, участника публично-социального бытия. Она характеризовалась: социальностью и активностью, высокими умственными способностями, публичностью и целеустремленностью, нравственностью и этичностью; стремлением действовать в пользу общего блага.

В эпоху Античности политическую человека сопровождали нормативные типы личности, определены в понятиях «идеальный гражданин», «правовая личность», «человек красноречивый» (*homo loquens*) и «общительное существо».

Литература

1. Бахлова О.В., Бахлов И.В., Напалкова И.Г., Солдатова А.С. Разработка программы прикладного исследования как инструмент становления исследовательской компетентности будущих политологов (на примере темы "пространственное развитие России как фактор нациестроительства и формирования национальной идеи") // Образование и наука. 2019. Т. 21. № 9. С. 49-79.

2. Гаман-Голутвина О.В., Гордеева О.И., Рогожина К.А., Петрова М.Г. Методы политико-компаративных исследований // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гу-

манитарные и общественные науки. 2017. № 4 (89). С. 86-95.

3. Иншаков С.М. Исследование преступности. Проблемы методики и методологии // Монография / Москва, 2017.

4. Кузьмин А.М., Высоковская Е.А. Метод фокус-группы // Методы менеджмента качества. 2017. № 5. С. 23.

5. Лавриненко В.Н., Путилова Л.М. Исследование социально-экономических и политических процессов // Учебник для бакалавров / Москва, 2019. Сер. 61 Бакалавр и магистр. Академический курс (3-е изд., пер. и доп).

6. Новоселов М.В. Горизонты социологического применения EVENT-анализа // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2018. № 1 (2). С. 497-506.

7. Москин Н.Д., Варфоломеев А.Г. Методы анализа данных в исторических исследованиях // Учебное пособие для студентов Института истории, политических и социальных наук / Петрозаводск, 2016.

8. Пыстогова Е.А. Качество и условия жизни населения регионов России: влияние политико-экономических факторов // Социальная политика и социология. 2017. Т. 16. № 4 (123). С. 122-130.

9. Средняк К.В. Квест-технологии в преподавании политологии в вузе // В сборнике: Современная образовательная среда: теория и практика Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Редколлегия: О.Н. Широков [и др.]. 2018. С. 118-122.

10. Тетерюк А.С. Опыт разработки модели структурирования внешней среды в процессе GR-менеджмента (на примере фармацевтической отрасли) // Социум и власть. 2017. № 1 (63). С. 88-95.

Spirituality and Morality as Principles of Conceptualizing the Concept of a Political Institution in the Era of Antiquity

Egorov V.G.

Institute of CIS Countries

Considering the history of political and legal doctrines, we note that this is the history of the relationship between man and state, man and society, man and political parties, man and political institutions. Ideas about the political future of man originated in the period of ancient philosophical thinking, that is, in the pre-classical period of political science, which lasted until the end of the 15th century. Obviously, it is not worth arguing about the emergence of the concept of "political relations" in its modern sense, but it is more expedient to use the concept of "public relations". The patriarchal type of interpersonal relations inherent in antiquity, inherent in antiquity, was completely extrapolated to social relations. The caste division contributed to the development of the first options for interpreting the essence of a person, given his stay within the polity. Understanding of the concept of "man" in the sources of the philosophical vision of ancient Greek thinkers follows from the criteria of the social role, productivity in a particular branch of production and activities in the administrative affairs of the city-state.

Key words: philosophical vision, state, development, political properties, result.

References

1. Bakhlov I.V., Napalkova I.G., Soldatova A.S. Development of an applied research program as a tool for the formation of research competence of future political scientists (on the example of the topic "spatial development of Russia as a factor of nation-building and the formation of a national idea") // Education and Science. 2019. Vol. 21. No. 9. P. 49-79.

2. Gaman-Golutvina O.V., Gordeeva O.I., Rogozhina K.A., Petrova M.G. Methods of Political Comparative Research // Bulletin of the Russian Foundation for Basic Research. Humanities and social sciences. 2017. No. 4 (89). S. 86-95.
3. Inshakov S.M. Crime research. Problems of methodology and methodology // Monograph / Moscow, 2017.
4. Kuzmin A.M., Vysokovskaya E.A. Focus group method // Quality management methods. 2017. No. 5.P. 23.
5. Lavrinenko V.N., Putilova L.M. Research of socio-economic and political processes // Textbook for bachelors / Moscow, 2019. Ser. 61 Bachelor and Master. Academic course (3rd ed., Trans. And additional).
6. Novoselov M.V. Horizons of sociological application of EVENT analysis // Social and humanitarian sciences: theory and practice. 2018. No. 1 (2). S. 497-506.
7. Moskin N.D., Varfolomeev A.G. Methods of data analysis in historical research // Textbook for students of the Institute of History, Political and Social Sciences / Petrozavodsk, 2016.
8. Pystogova E.A. The quality and living conditions of the population of the regions of Russia: the influence of political and economic factors // Social policy and sociology. 2017.Vol. 16.No. 4 (123). S. 122-130.
9. Srednyak K.V. Quest technologies in teaching political science at the university // In the collection: Modern educational environment: theory and practice Collection of materials of the International scientific and practical conference. Editorial Board: O. N. Shirokov [and others]. 2018.S. 118-122.
10. Teteruk A.S. Experience in developing a model for structuring the external environment in the process of GR-management (on the example of the pharmaceutical industry) // Socium and Power. 2017. No. 1 (63). S. 88-95.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПРОЕКТНЫЙ ПОДХОД КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА В ИССЛЕДОВАНИИ ГРАЖДАНСКОГО АКТИВИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Сулимов Николай Юрьевич,
студент, РЭУ им. Г.В. Плеханова

Традиционно человеку более свойственно проявлять активность в коллективном комбинированные граждан. Эту способность руководствоваться общественными интересами развивает участие в работе добровольных ассоциаций. Участие в деятельности общественных организаций способствует установлению между гражданами отношений, основанных на доверии. Объединение в группы исконно присущее людям, в свою очередь мотивы объединения и степень их осознания как правило варьируется от получения простого удовольствия до реализации особых интересов. Исследование различных форм объединений граждан входит в круг вопросов, изучением которых занимается политическая наука. Формы общественной активности граждан выражены в деятельности их различных объединений, поэтому понятие «объединение граждан» является обобщающим, что отражает разнообразие этих форм в реальной жизни общества.

Ключевые слова: политический проект, власть, цели, учреждения, поиск путей.

Объединения граждан выступают связывающим звеном между политической и гражданской сферами общества. Исследование Р. Патнама деятельности объединений граждан в Италии доказали, что активное участие населения в работе общественных объединений является основным фактором эффективности работы государственных учреждений и роста экономического благосостояния. Мы также придерживаемся мнения о невозможности построения устойчивого, эффективного гражданского общества при отсутствии активной, желательной сознательной, гражданской позиции населения и включенности его в общественно-политические процессы, ведь наличие этих факторов способно превратить индивидов, объединенных общей территорией, на граждан, объединенных общими интересами, общей целью развития, способных к самоорганизации и мобилизации ресурсов, направленных на воплощение общезначимой цели. Важность объединения граждан для совместной деятельности подчеркивает социолог И. Бекешкина, говоря о формировании: качества гражданской причастности и ответственности, а также расширении пространства «Я» до родственного «Мы» в процессе такой деятельности [10, с. 52].

В политической науке одним из самых распространенных вариантов классификации формализованных (институциональных) объединений граждан является деление на такие большие формы объединений граждан: политические партии и общественные объединения.

Добровольные формирования граждан, созданные в результате их свободного волеизъявления с целью выражения коллективных интересов и решения общественных вопросов и проблем относятся к категории таких институтов как общественно общественные, так и политические партии. В России право граждан на объединение закреплено конституционно, является базовой ценностью общества и государства, и предоставляется каждому. Во внутригосударственных и международно-правовых документах оно выступает под разными названиями: свобода союзов, свобода ассоциации, свобода объединений и так далее.

Если взглянем на Закон «Об общественных объединениях», мы находим определение общественного объединения – это добровольное объединение физических лиц и/или юридических лиц частного права для осуществления и защиты прав и свобод, удовлетворения общественных, в част-

ности экономических, социальных, культурных, экологических, и других интересов. До 2012 года в России действовал Закон «Об объединениях граждан», в котором объединение граждан, независимо от названия (движение, конгресс, ассоциация, фонд, союз и т. д.) признавались политической партией или общественной организацией. С принятием нового закона определяется, что по организационно-правовой форме общественное объединение создается как общественная организация или общественный союз, разница между которыми заключается в отсутствии или наличии статуса юридического лица.

Согласно Закона России «О политических партиях» она определяется как «зарегистрированное в соответствии с законом добровольное объединение граждан – сторонников определенной общенациональной программы общественного развития, которое имеет своей целью содействие формированию и выражению политической воли граждан, участвует в выборах и других политических мероприятиях». Ученый Демчишак Р. Б. отмечает об отсутствии единого взгляда на определение понятия политической партии, но отмечает единодушие в вопросе понимания ее как общности людей, которые объединены определенными идеологическими и организационными принципами объединения с целью завоевания (в результате выборов или другим путем), содержания, а также использования государственной власти как средства реализации интересов, запросов тех или иных социальных групп, слоев, этнических и других общностей [9, с. 25].

В теории именно партии призваны выполнять функцию артикуляции и агрегирования групповых интересов, имея тесную связь со структурами гражданского общества, с целью влияния на принятие политических решений. В свою очередь, в теории общественные объединения (организации) являются самой сутью гражданского общества: они демократичны, находятся в правовом поле, пользуются законными методами достижения собственных целей, имеют налаженную коммуникацию с государственными структурами и, конечно же, их основная цель – защита прав и интересов граждан. Важным признаком, что отличает общественные организации от других организаций за специфическими интересами, является их общественная польза, и в отличие от политических партий имеют право кроме статуса, получить местный или региональный статус [8, с. 23]. Общественные объединения в теоретическом аспекте, учитывая их характер деятельности и содержание не являются политическими организациями, но в реалиях сегодняшнего дня членами/сторонниками общественного объединения являются граждане, которые отчасти имеют отношение к определенным политическим силам, а потому представляют собой потенциальную базу для формирования электоральной поддержки, так и основу для возникновения новых политических партий.

Дальнейшее изложение материала предопределяет предоставить объяснения, что мы вкладываем

в понятие объединения граждан. Учитывая отсутствие единой позиции относительно соотношения терминов «общественные объединения», «общественные организации», «объединение граждан», «добровольные организации», «третий сектор», «неправительственные организации» и целесообразности их использования в большинстве случаев в качестве синонимов, основываясь на тезисе, что все они представляют собой группу людей, которая собралась на основе спелых интересов и положения, определяет общие задачи и добровольно работают на их выполнение [7, с. 145], в собственном исследовании мы тоже будем руководствоваться данным тезисом.

К сожалению, в России институт политических партий и общественных объединений находится в стадии становления, поэтому является несовершенным и требует дальнейшего развития. Если посмотреть на социологический опрос, проведенный ЛЕВАДА в марте 2019 года, уровень недоверия к институту политических партий составляет 76%, показатель недоверия к общественным институтам составляет 37%. Эти данные наглядно демонстрируют состояние эффективности и результативности работы общего массива объединений граждан. Высокий показатель недоверия к политическим партиям обусловлен: не выполнением, или выполнением не в полной мере большинства функций современными российскими партиями; потерей связи политической партии со своим избирателем; преобразованием партий на политическое лобби финансово-промышленных и деловых групп. Еще в 2007 году Н. Ротар отмечала, что политическая власть строит свои отношения с гражданами сверху вниз, не создавая возможностей для взаимосвязи, налаживание эффективных каналов коммуникации, не давая возможности реального участия в процессе формирования политической повестки дня [6, с. 121]. Как видим, ситуация не изменилась, даже в условиях событий 2019-2020.

Относительно факторов, демотивирующих привлечение граждан к деятельности в общественных объединениях являются:

1) отсутствие прозрачного финансирования общественных организаций, инициативных групп граждан;

2) нестабильная политическая ситуация в стране, конкуренции и борьба за власть политических элит и различных бизнес-групп, запрос на новые лица;

3) формальное взаимодействие органов государственной власти и общественности;

4) низкой уровень веры у большинства граждан в том, что существует возможность достижения качественных изменений через активное гражданское участие/действие/позицию, нежелание большинства граждан тратить собственные материальные, моральные, физические силы, жертвовать своим личным временем для осуществления общественно-политической деятельности.

В сочетании с низким уровнем информированности о деятельности общественных формирований, общим ощущением беспомощности и бесправности мы получаем значительное количество граждан, которые не чувствуют своей причастности к общественно-политической плоскости, а соответственно и желание к активности. Когда традиционные политические институты не способны участвовать граждан в процессе принятия решений, все это способствует возникновению тенденции к снижению внимания граждан к ним и развертывания новых форм проявления взаимодействия власти и общества.

Для граждан более характерным становится участие в «кратковременных» или «акционных» общественно-политических мероприятиях (проектах), которые посвящены конкретному вопросу, что имеет определенное время, цель, задачи и ожидания на определенный результат, после получения которого, они переходят в «спящее состояние» или переключают внимание на решение смежных вопросов, активно пользуясь наработанными связями и механизмами гражданского взаимодействия. Для российского общества уже длительное время присуща практика участия в публичных мероприятиях (организованных политическими силами) ради получения финансового вознаграждения. Конечно, подобные явления далеки от реального содержания гражданской активности и, что главное, негативно отражаются на процессе политической социализации населения и повышении влияния гражданского общества в нашей стране [5, с. 142]

Все чаще становится заметным желание заниматься гражданской деятельностью в качестве средства самореализации, получения материальной выгоды, решения собственных личных проблем, иначе говоря, гражданский активизм понимается как определенная профессиональная деятельность. Именно поэтому, сегодня в обществе наблюдается распространение тенденции к формированию категории так называемых «профессиональных активистов», которые под видом общественной деятельности занимаются личным обогащением или/и реализацией интересов определенных групп лиц, которые их финансируют/предоставляющих гранты.

Все чаще происходит дистанцирование граждан от традиционных институтов гражданского общества и направления собственной активности и энергии на решение беспокоящих их вопросов через общественно-политические движения (в основном вопросы общегосударственного уровня) или местный (региональный) активизм. Общественно-политические движения как структурное объединение не претендуют на непосредственное участие в осуществлении власти и отличаются формой существования, организационной структурой, средствами и методами действий. [4, с. 88] то есть, все больший вес приобретают стихийные формы участия, прямого действия широких верст населения, основанных на общих идеалах и ценностях и направленных на решение определенно-

го отдельного вопроса, которые, получив результат, в основном нивелируются или консолидируются в новые политические партии или общественно политические организации. Считаем нужным отметить определение, которое, по нашему мнению, наиболее удачно характеризует общественно-политические движения – неформальная сеть граждан (их объединений), которые ситуативно объединяются/кооперируются/сплачиваются/действуют в стремлении добиться решения определенных общественно значимых вопросов. В данном смысле, под ситуативностью объединения мы понимаем, что стремление решения определенного круга вопросов или достижение определенных целей может стать объединяющим фактором для людей разных по идеям, ценностям, политическим предпочтениям. И пока их интересы и цели совпадают с целями движения они его поддерживают и сотрудничают друг с другом [3, с. 142].

Среди главных признаков общественно-политических движений следует выделить отсутствие стабильной структуры (в большинстве движений), конкретной программы или устава, динамичность и непродолжительный характер, непостоянное количество участников и ситуативность «союзников»/кооперации (эти признаки могут варьировать на разных этапах деятельности движения). Также считаем нужным отметить, что по нашему мнению общественно-политическим выступает любое движение – социальное, экономическое, культурное, правовое, и тому подобное, потому что в любом случае, в попытке привлечь внимание не только общества, но и государственных органов власти к необходимости решения тех или иных вопросов, они взаимодействуют с политическими институтами и сами становятся участникам политического процесса. Первоочередным для общественно-политических движений выступает привлечение внимания, «политизация» общественно значимых вопросов, запросов, которые не получили адекватной реакции/разрешения от государственных органов власти [2, с. 37].

Очень важным является формы проявления гражданского активизма на местном уровне, именно здесь наиболее ярко наблюдается «низовая» инициатива, где происходит кооперация людей для решения узкого круга вопросов, польза от решения которого чаще всего учитывает именно общественно полезный интерес.

Общественно-политические трансформации во всем мире и особенно в России, дают нам возможность утверждать, что кроме появления новых форм общественно-политической активности/участия в последние годы наблюдается устойчивая тенденция к выделению нового типа объединений граждан, которые выступают чем-то средним между политическими партиями и общественными организациями, тоже самое можно говорить о переносе функций и методов деятельности. То есть выстраивается сегмент, который на начальном этапе своего создания не имеет целью именно получение/ведение борьбы за власть, но

одним из главных своих целей/задач ставит влияние и контроль за принятием политических решений. То есть новая институционализированная форма проявления гражданского активизма выкристаллизовывается через различение цели своего существования и отношения к власти.

В рамках проведенного нами научного исследования мы можем говорить о существовании пробела в традиционной политической науке относительно понимания таких форм объединений граждан. То есть нехватка теоретических исследований новых институциональных форм проявления гражданского активизма такого типа искажает понимание сути их создания/существования, в свою очередь, разделение объединений граждан на политические партии и общественные объединения сегодня нам представляется не полным. В связи с этим считаем целесообразным не только выделять и описывать новые институциональные формы проявления гражданского активизма, но перейти к их теоретико-методологическому анализу и изучению. Выведение более четкого распределения объединений граждан позволит предоставить им более подробную общетеоретическую характеристику и оценку их деятельности.

Если рассматривать объединение граждан с учетом цели их существования и их отношение к власти, то общественные организации направлены в общественный сектор, политические партии – борьба за власть, то в таком случае выпадает ряд объединений (институциональных форм проявления гражданского активизма) граждан, которые не ставят себе целью борьбу за власть, но имеют целью служить публичной площадкой для участия в политике и инкорпорирования во властные структуры/отношения ради влияния на формирование политической повестки дня. Они не являются сугубо политическими объединениями, но имеют политическое измерение, потому стремятся решать политические вопросы во взаимодействии с государством. То есть, складывается ситуация, что если ориентироваться на традиционное распределение, мы неправильно понимаем цель существования значительной части организаций гражданского общества созданных в России, а не учитывая цели этих «новых» институциональных форм проявления гражданского активизма, рассматривая их в отрыве от нее, мы не сможем объяснить и понять их деятельность [1, с. 240].

Учитывая тот факт, что такой тип организаций по характеру организации и деятельности впитал в себе признаки проекта, а цель их всегда лежит в политической плоскости, то для их обозначения предлагается использовать термин «политический проект». То есть по нашему мнению, считается уместным новые институциональные формы проявления гражданского активизма, которые создаются на основании субъективных предпочтений, идеи, замыслов автора/заказчика в сочетании с общественными настроениями, ожиданиями и стереотипами, с четкой целью представительства интересов общества и получения / содержание / контроля политической власти, возможности взаи-

модействовать с органами власти и влиять на принятие властных решений, ожиданием определенного эффекта от реализации своей деятельности, объектами внешнего мира, на которые она направлена, при заданных ограничениях по ресурсам и срокам считать политическими проектами.

Российскому обществу присуще состояние конкуренции различных общественных групп в борьбе за реализацию собственных интересов, в условиях ограниченных возможностей их удовлетворения традиционными каналами (то есть вне властными структурами – неполитическим путем), общественные группы начинают поиск путей получения положительного ответа на созданные запросы в органы власти, таким образом в процессе влияния на принятие властных решений они превращаются в политический проект.

Стоит отметить также отличия от традиционных общественных объединений, которые в первую очередь заключаются: в целью – осуществление воздействия на власть, получение власти не является первоочередной целью, но в процессе деятельности политического проекта, на определенном его этапе, цель может меняться, что перестраивает политический проект на политическую партию, в следствие чего изменится конечный ожидаемый результат – получение власти.

Литература

1. Авдонин В.С., Мелешкина Е.Ю. Политическая наука в институтах ран сквозь призму экспертного опроса // Политическая наука. 2016. № 2. С. 232-246.
2. Акылбеков К.М. Военная политика как политический институ. // Евразийский научный журнал. 2016. № 1. С. 35-38.
3. Баймурадов Д.А., Чарыев А.А. Роль социальных институтов в политической социализации молодежи // Научная дискуссия: вопросы социологии, политологии, философии, истории. 2016. № 6 (46). С. 141-145.
4. Боев П.А. Совет федерации как институт развития политических процессов // Социально-политические науки. 2016. № 2. С. 87-89.
5. Гилязов Г.З. Правовые основания выделения института регионального политического лидерства на самостоятельный уровень власти // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2016. № 2 (31). С. 141-145.
6. Кавыкин О.И. Традиционные политические институты в современной Замбии // Ценности и смыслы. 2016. № 3 (43). С. 120-131.
7. Кирсанова Н.П. Проблема доверия россиян к институтам политической власти в условиях кризиса // В сборнике: Рынок и государство в системе экономических отношений сборник статей международной научно-практической конференции. Под общей редакцией А.В. Яковлевой. 2016. С. 142-148.
8. Ковалёв В.А. "ГАЙЗЕРГЕЙТ" в республике КОМИ: неработающие институты авторитарного администрирования и политический порядок // Россия и современный мир. 2016. № 2 (91). С. 22-38.

9. Пинюгина Е.В. Политическая наука в востоковедческих институтах Российской академии наук: тематика и методология в новых политических условиях // Перспективы. Электронный журнал. 2016. № 2 (6). С. 13-30.

10. Черново́л Е.П. Понятие, политико-правовые основы и состав института реабилитации жертв политических репрессий // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2016. № 2. С. 51-58.

Interdisciplinary project approach as a methodological basis in the study of civic activism in modern political science
Sulimov N.Yu.

RUE G.V. Plekhanov

Traditionally, it is more common for a person to be active in a collective combined citizen. This ability to be guided by the public interest is enhanced by participation in voluntary associations. Participation in the activities of public organizations contributes to the establishment of relations between citizens based on trust. Unification in groups is primordially inherent in people, in turn, the motives of unification and the degree of their awareness, as a rule, vary from getting simple pleasure to realizing special interests. The study of various forms of citizens' associations is part of the range of issues that political science deals with. The forms of public activity of citizens are expressed in the activities of their various associations, therefore the concept of "unification of citizens" is generalized, which reflects the diversity of these forms in the real life of society.

Key words: political project, power, goals, institutions, search for ways.

References

1. Avdonin V.S., Meleshkina E.Yu. Political science in institutes of wounds through the prism of an expert survey // Political Science. 2016. No. 2. S. 232-246.
2. Akyzbekov K.M. Military policy as a political institution. // Eurasian scientific journal. 2016. No. 1. S. 35-38.
3. Baimuradov D.A., Charyev A.A. The role of social institutions in the political socialization of youth // Scientific discussion: issues of sociology, political science, philosophy, history. 2016. No. 6 (46). S. 141-145.
4. Boev P.A. Federation Council as an institution for the development of political processes // Socio-political sciences. 2016. No. 2. S. 87-89.
5. Gilyazov G.Z. Legal grounds for separating the institution of regional political leadership into an independent level of power // Bulletin of BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2016. No. 2 (31). S. 141-145.
6. Kavykin OI Traditional political institutions in modern Zambia // Values and meanings. 2016. No. 3 (43). S. 120-131.
7. Kirsanova N.P. The problem of Russians' trust in the institutions of political power during the crisis // In the collection: The market and the state in the system of economic relations, a collection of articles of the international scientific-practical conference. Under the general editorship of A.V. Yakovleva. 2016.S. 142-148.
8. Kovalev V.A. "GAYSERGATE" in the KOMI republic: non-functioning institutions of authoritarian administration and political order // Russia and the modern world. 2016. No. 2 (91). S. 22-38.
9. Pinyugina E.V. Political Science in Oriental Studies Institutes of the Russian Academy of Sciences: Topics and Methodology in New Political Conditions // Perspectives. Electronic journal. 2016. No. 2 (6). S. 13-30.
10. Chornovol E.P. Concept, political and legal foundations and composition of the institution of rehabilitation of victims of political repression // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. No. 2. S. 51-58.

ПРОБЛЕМЫ НЕВЫСОКОГО УРОВНЯ ДОВЕРИЯ ГРАЖДАН РОССИИ К ВЫБОРАМ ДЕПУТАТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

Дюг Марина Игоревна

студентка Института экономики и права РТУ МИРЭА

Груднин Никита Сергеевич,

к.ю.н., доцент кафедры интеллектуальных прав РТУ МИРЭА.

В статье рассматриваются проблемы, которые связаны с невысоким уровнем доверия граждан России к выборам депутатов Государственной Думы. Отмечается, что невысокий уровень активности граждан России на выборах депутатов Государственной Думы объясняется недостаточным ее авторитетом в глазах граждан и неспособностью повлиять на политику, проводимую в стране. Выходом из этой ситуации может стать повышение интереса у самих граждан к участию в выборах и цифровизация избирательного процесса.

Ключевые слова: Государственная Дума, свободные выборы, явка, активность избирателей, доверие к выборам, электронное голосование.

Существование современного демократического государства нельзя вообразить без периодического проведения свободных выборов, без тщательно проработанных избирательных процедур. При этом одной из основных тенденций развития избирательного права является поиск избирательных систем, обеспечивающих наиболее полный учет волеизъявления всех избирателей и адекватное этому волеизъявлению распределение мандатов¹. В конце 80-х годов XX в. Россия кардинально изменила свою избирательную систему, в результате мы отказались от безальтернативных и пришли к альтернативным выборам, это стало первым шагом к становлению правового государства и способствовало дальнейшему развитию демократических институтов и укреплению гражданского общества в стране.

21 сентября 1993 года первый Президент России Б. Н. Ельцин издал указ «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации», которым предписывалось «прервать осуществление законодательной, распорядительной и контрольной функций Съездом народных депутатов и Верховным Советом Российской Федерации». Этим указом было введено в действие Положение о выборах депутатов Государственной Думы Российской Федерации².

Государственная Дума – это одна из двух палат Федерального Собрания (парламента) Российской Федерации, высшего представительного и законодательного органа страны. В настоящее время она состоит из 450 депутатов, избираемых гражданами России путем всенародного голосования по мажоритарно-пропорциональной избирательной системе распределения депутатских мандатов на срок полномочий 5 лет³. В настоящее время уже работает Государственная Дума седьмого созыва.

12 декабря 1993 года прошли выборы в первую Государственную Думу Федерального Собрания РФ – нового федерального органа законодательной власти страны. В выборах приняли участие 58 187 755 избирателей, или 54,81 % от числа зарегистрированных избирателей. Эти цифры свидетельствуют о достаточно большом интересе об-

¹ См.: Иванченко А.В., Кынев А.В., Любарев А.Е. Пропорциональная избирательная система в России: история, современное состояние, перспективы. М., 2005. С. 43.

² См.: URL: <http://tass.ru/spravochhnaya-informaciya/508433> (дата обращения: 26.02.2018).

³ См.: Выборы в Государственную Думу 6 созыва от А до Я (в вопросах и ответах) / Под общ. ред. И.Б. Байханова. Грозный, 2011. С. 13.

щества к органу, которому в будущем отводилась большая роль в системе органов государственной власти. Деятельность первого созыва в определенной степени это доказала. Обращаясь к итогам формирования следующего состава, мы видим, что в выборах в Государственную Думу в 1995 г. приняли участие уже 69 614 839 избирателей, или 64,76 % от числа зарегистрированных избирателей. Однако на следующих выборах был отмечен небольшой спад интереса населения к самой процедуре, связанный, возможно, в том числе и с предвзятым отношением к отдельным кандидатам и партиям (вспомним здесь «Блок Жириновского»), в связи с чем в 1999 г. явка на выборы составила 61,85 %.

Перелом наступил после 2000 г., когда государство взяло курс на усиление роли партий в политической жизни страны. Одной из таких мер стало введение обязательного избрания не менее половины депутатов региональных представительных органов власти по пропорциональной системе. Следующим шагом стал переход на полностью пропорциональную систему на выборах депутатов Государственной Думы.

Однако применение пропорциональной системы на выборах депутатов Государственной Думы все-таки не решило проблему. Так, явка на выборы в Государственную Думу в 2003 г. составила 55,75 %. С переходом на пропорциональную систему при формировании нижней палаты российского парламента 2 декабря 2007 г. можно было увидеть определенное повышение интереса общества к самостоятельности выбора⁴. Явка населения составила на выборах депутатов Государственной Думы пятого созыва уже 63,78 %⁵.

Явка на выборах 4 декабря 2011 г. составила 60,1 % (65,66 млн. избирателей) против 63,78 % (69,54 млн. избирателей) на выборах 2 декабря 2007 г. Таким образом, явка снизилась на 3,6 %, и на выборы пришли проголосовать на 3,88 млн. избирателей меньше⁶. В целом можно говорить о не самой высокой избирательной активности населения России на федеральных парламентских выборах, при этом абсентеизм граждан во многом представляет собой протестные настроения той категории населения, которая либо традиционно аполитична, либо сознательно избегает участия в выборах. Кроме того, уровень электоральной активности граждан страны на выборах Государственной Думы в районе 60 % зачастую объясняется активностью и способностью глав российских регионов мобилизовать избирателей в день голосования, а также политической сознательностью граждан в возрасте, превышающем 40 лет. Ста-

бильность электорального пространства России также поддерживается за счет постоянного участия в выборах электората «Единой России» и «КПРФ».

Парламентские выборы 2016 года, вопреки сформировавшейся традиции, прошли не в декабре, а в сентябре месяце, что не повлияло кардинальным образом на партийное представительство в Государственной Думе, но повлекло за собой еще большее падение интереса россиян к парламентским выборам. Главная особенностью выборов в Государственную Думу седьмого созыва стала рекордно низкая явка. По итогам обработки почти 99 % бюллетеней она составила 47,81 % и стала самой низкой в истории России. Ниже явка на выборах в Государственную Думу была лишь в 1993 году, но даже тогда перевалила за половину от общего числа зарегистрированных избирателей и составила 54,81 %.

По мнению большинства экспертов, утрата гражданами интереса к выборам – это результат непродуманных действий отдельных чиновников. Выборы были перенесены с декабря на сентябрь, в результате чего агитация переместилась на «мертвый» летний сезон, когда люди меньше всего интересуются политикой. А уже в сентябре в политических ток-шоу больше обсуждали грядущие выборы в США, дебаты и политическая реклама были сдвинуты на неудобное время, на улицах было удивительно мало наружной агитации.

Негласная установка «не думайте о выборах» обрушила явку, в первую очередь, в Москве и Петербурге – регионах с самым свободным и оппозиционно настроенным населением. В Москве до участков дошли лишь чуть больше 35 % избирателей, а в Петербурге – и вовсе 32 %. Зато в регионах с так называемой «особой электоральной культурой» с активностью избирателей было все отлично. В Чечне явка составила 95 % (за «Единую Россию» – 96 %), в Татарстане явка – 88 % («Единая Россия» – 88 %), Дагестан – явка 87 % («Единая Россия» – 89 %), Тыва – явка 91 % («Единая Россия» – 84 %).

Заместитель председателя Общественной палаты Севастополя Олег Гасанов не считает явку на выборах низкой: «Я не могу назвать явку в среднем 47 % по Российской Федерации низкой. Безоговорочная победа партии власти основана на безусловном авторитете лидера партии, президента В. В. Путина. <...> С моей точки зрения, была недостаточная агитация для того, чтобы люди пришли на избирательные участки. <...> Безусловно, у отдельных партий была надежда, что при низкой явке они получат хороший результат. Но их расчет не удался. «Единая Россия» честно победила на выборах, люди верят ей и идут тем курсом, который она задает».

О результатах думских выборов в Чечне рассуждает чеченский политолог, журналист Ислам Сайдаев: «В Чеченской республике партия власти набрала большой процент. Многие считают, что в Чечне сильно задействован административный

⁴ См.: Иванченко А.В., Кынев А.В., Любарев А.Е. Пропорциональная избирательная система в России: история, современное состояние, перспективы. М., 2005. С. 47.

⁵ См.: Официальный сайт Центральной избирательной комиссии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cikrf.ru> (дата обращения: 26.02.2018).

⁶ См.: Выборы в России 13 марта 2011 года: Аналитический доклад. М.: ГОЛОС, 2011. С. 8.

ресурс, и люди идут голосовать под нажимом. Но это не так. Жители республики действительно верят партии президента, эта партия сегодня работает. ЛДПР по России заняла высокое место, хотя в нашем регионе этой партии не отдадут предпочтение за некорректные высказывания национального характера. Коммунисты получили меньшее количество мандатов тоже справедливо. У них прошел запал в работе, они стали менее активными. Эсеры довольно слабо вели избирательную кампанию, поэтому полученный результат отражает их реальную деятельность. Непарламентским партиям еще нужно завоевывать авторитет для того, чтобы получать мандаты в Думу».

Снижение активности избирателей на федеральных выборах, по-видимому, обусловлено объективными причинами. Повышение же явки в цикле 2007 – 2008 гг., как показано в нашей работе⁷, было достигнуто административными методами (за счет активности глав регионов). В следующем цикле административный ресурс также активно использовался⁸, однако технологии несколько изменились. В частности, была заметна линия на понижение явки, что в итоге и привело к рекордно низким показателям явки на выборы 2016 года.

Следует отметить, что одним из главных показателей активности на выборах Государственной Думы является отношение граждан к работе самой Думы, их доверие партиям и конкретным депутатам. Отношение к выборам депутатов Государственной Думы Российской Федерации и депутатам таковым у граждан страны неоднозначное. Так, результаты проведенного опроса свидетельствуют о том, что примерно одинаковый процент опрошенных отвечают очень полярно: 27 % респондентов не верят в честность выборов, и в то же время 28 % – считают, что их голос очень важен, это наш гражданский долг, 16 % опрошенных заявили о том, что политикой вообще не интересуются (примечательно, что в данном случае большинство опрошенных имеют среднее профессиональное или среднее специальное образование, а в первом и втором случае – отвечали люди, имеющие высшее образование, или студенты ВУЗов), 28 % опрошенных считают, что результат выборов заранее известен и от их голоса ничего не зависит. Вероятно, такое мнение о парламентских выборах в стране демонстрирует то, что пока еще Государственная Дума Российской Федерации так пока и не стала центром законотворческой деятельности в интересах всего общества. Как только возрастет законодательная роль и политическая самостоятельность Думы, так сразу возрастет интерес и к ее выборам.

В целом следует сказать, что простых способов быстро повысить электоральную активность граждан России на парламентских выборах просто не

существует. Тем не менее, исходя из результатов опроса, следует выделить первоочередные меры, которые необходимо предпринимать, не дожидаясь повышения эффективности самой Думы. В частности, к ним относятся:

- искоренение стойкого неверия значительной части населения в честность выборов за счет повышения открытости и прозрачности работы всех вовлеченных в избирательный процесс институтов, утверждения мысли о том, что выявление и придание гласности нарушений, имеющихся в ходе избирательных кампаний, сами по себе являются проявлением борьбы за справедливость выборов;

- особое внимание следует уделять подходу к формированию избирательных комиссий различных уровней. Члены этих комиссий должны быть гражданами юридически грамотными. Их задача – показать пример достойного поведения на выборах. Именно они должны способствовать не фальсификации итогов выборов, а честному подсчету голосов избирателей;

- проведение разъяснительной и агитационной работы с населением в плане необходимости участия в выборах, в первую очередь через разъяснение важности избирательных прав, т. е. права избирать и быть избранным, так как реализация социально-экономических прав, которые являются приоритетными, напрямую связана с избирательными правами⁹.

И все же на сегодня трудно сказать, как все эти шаги скажутся на эффективности выборов. Правовые меры в период выборов очень сильно сопрягаются с политическими мероприятиями, а также с шагами по повышению уровня жизни населения. Отсюда результативность выборов – комплексная задача нашего государства и общества.

Эксперты полагают, что на явку влияет множество факторов, в частности особенности территорий: так, в национальных республиках она традиционно высокая, но низкая – в крупных городах, например Москве, Санкт-Петербурге и Екатеринбурге. Делать выводы о законности избирательных процедур, их демократичности и конкурентности можно только на основе множества факторов, в их числе: доверие к кандидатам (партиям), количество зарегистрированных участников, инфраструктура выборов, количество членов от разных партий в избиркомах, активность кандидатов и агитация, возможность досрочного голосования и количество видеокамер, КЭГов и КОИБов. Один только уровень явки не может служить показателем эффективного избирательного процесса¹⁰.

Эксперты отмечают, что в России явка на федеральных выборах всегда выше, чем на региональных и муниципальных, однако это не значит, что легитимность одного органа власти выше другого. В любой избирательной кампании самое

⁷ См.: Бузин А.Ю., Любарев А.Е. Преступление без наказания: Административные избирательные технологии федеральных выборов 2007 – 2008 годов. М., 2008. С. 83-116.

⁸ См.: Избирательный кодекс Российской Федерации – основа модернизации политической системы России / Под ред. А.Е. Любарева. М.: ГОЛОС, 2011. С. 142-145.

⁹ См.: Климов В.А., Буханова Т.Н., Зайцев И.В. Активность российских избирателей: проблемы и пути их решения // Журнал о выборах. 2005. № 4. С. 35-43.

¹⁰ См.: Лысенкова М.Ф. Особенности политической Интернет-рекламы // Политика и Общество. 2012. № 2. С. 104-107.

главное – это легитимность и чистота выборов. Прежде всего, имеется в виду неукоснительное соблюдение норм закона как организаторами выборов, так и участниками избирательного процесса. Явка на выборах важна, но на чистых выборах она все-таки вторична. Вероятно, что в будущем повысить явку граждан на выборы депутатов Государственной Думы станет возможно после цифровизации самих выборов и внедрения технологии электронного (удаленного) голосования.

Литература

1. Бuzин А. Ю., Любарев А. Е. Преступление без наказания: Административные избирательные технологии федеральных выборов 2007 – 2008 годов. М., 2008.
2. Выборы в Государственную Думу 6 созыва от А до Я (в вопросах и ответах) / Под общ. ред. И. Б. Байханова. Грозный, 2011.
3. Выборы в России 13 марта 2011 года: Аналитический доклад. М.: ГОЛОС, 2011.
4. Иванченко А. В., Кынев А. В., Любарев А. Е. Пропорциональная избирательная система в России: история, современное состояние, перспективы. М., 2005.
5. Избирательный кодекс Российской Федерации – основа модернизации политической системы России / Под ред. А. Е. Любарева. М.: ГОЛОС, 2011.
6. Климов В. А., Буханова Т. Н., Зайцев И. В. Активность российских избирателей: проблемы и пути их решения // Журнал о выборах. 2005. № 4.
7. Лысенкова М. Ф. Особенности политической Интернет-рекламы // Политика и Общество. 2012. № 2.

Problems of the low level of confidence of Russian citizens in the elections of deputies to the State Duma

Dyug M.I., Grudin N.S.

RTU MIREA

The article examines the problems associated with the low level of confidence of Russian citizens in the election of deputies to the State Duma. It is noted that the low level of activity of Russian citizens in the elections of deputies to the State Duma is explained by its insufficient authority in the eyes of citizens and the inability to influence the policy pursued in the country. A way out of this situation can be an increase in the interest of citizens themselves to participate in elections and digitalization of the electoral process.

Key words: State Duma, free elections, turnout, voter activity, confidence in elections, electronic voting.

References

1. Buzin A. Yu., Lyubarev A.E. Crime without punishment: Administrative electoral technologies of the 2007-2008 federal elections. M., 2008.
2. Elections to the State Duma of the 6th convocation from A to Z (in questions and answers) / Under total. ed. I. B. Baykhanov. Grozny, 2011.
3. Elections in Russia on March 13, 2011: Analytical report. Moscow: GOLOS, 2011.
4. Ivanchenko A. V., Kynev A. V., Lyubarev A. E. Proportional electoral system in Russia: history, current state, prospects. M., 2005.
5. The Electoral Code of the Russian Federation - the basis for the modernization of the political system of Russia / Ed. A.E. Lyubareva. Moscow: GOLOS, 2011.
6. Klimov V. A., Bukhanova T. N., Zaitsev I. V. Activity of Russian voters: problems and solutions // Journal of elections. 2005. No. 4.
7. Lysenkova M.F. Features of political Internet advertising // Politics and Society. 2012. No. 2.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРОБЛЕМАТИКИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МЕХАНИЗМОВ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ УПРАВЛЕНИЯ

Муслиенко Тамара Викторовна

доктор политических наук, доцент, профессор кафедры истории и философии Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, tvn77777@mail.ru

Сегодня особое значение приобретает стратегическое управление, которое является важным функциональным ресурсом для устойчивого развития государства. Поэтому, эффективное государственное управление в условиях динамичного развития предполагает принципиально новый, транспарентный механизм планирования деятельности на всех уровнях. Отсюда возникает необходимость выработки новых подходов к стратегическому управлению в России.

Стратегическое управление сегодня является предметом отдельного анализа во многих отраслях научного знания, в частности, в государственном управлении. Подавляющее большинство ученых при понимании сущности стратегического управления исходят из целесообразности его рассмотрения как системы управления и отдельной науки.

Нынешние традиционные подходы к государственному управлению не соответствуют в полной мере объективным реалиям современного мира. Поэтому, дальнейшее развитие государственного управления требует новых подходов, среди них особое место в этом процессе занимает стратегическое управление.

Ключевые слова: тенденции, перспективное развитие, формирование, жизнеобеспечение, государственное управление.

Тенденции перспективного развития современной России указывают на необходимость поиска новых механизмов формирования общественного развития. Такой процесс обычно обусловливается углублением диспропорций в уровнях регионального развития и развития городов, а также отсутствием у государства достаточного ресурсного запаса на то или иное выравнивание показателей жизнеобеспечения территорий. Указанные проблемы были поставлены в свое время и в других странах, которые также нуждались в качественных преобразованиях. Соответствующие исследования в области обеспечения национальной безопасности способствовали значительным достижениям в области стратегического управления [10, с. 352].

Впервые дефиниция «стратегическое управление» была введена в научный оборот на рубеже 60-70 годов XX века с целью разграничения текущего (ежедневного) управления и управления, осуществляемого на высшем уровне, которое направлено на перспективное развитие будущего. Необходимость такого различия была вызвана прежде всего изменениями в условиях ведения бизнеса, а уже затем и государственного управления. Главной целью, отражающей сущность перехода от оперативного управления к стратегическому, была концентрация внимания высшего руководства на внутренней и внешней обстановке в их взаимосвязи, для соответствующего и своевременного реагирования на изменения, происходящие в ней. Важность такого управления объяснялась рациональностью в принятии решений и необходимостью глобальной мировой интеграции. Это напрямую связано с изменением образа мышления и потребностью в установлении целеориентированности в принятии политических решений и действий. Итак, постепенно формировалось понимание понятия «стратегия», под которой понимается комплекс действий по достижению определенной цели.

Г. Фатхутдинов дает следующее определение «стратегии» - это программа, план, генеральный курс субъекта управления по достижению им стратегических целей в любой сфере деятельности. [7, с. 126].

Отмечается значимость привлечения к разработке стратегии всех заинтересованных специалистов (учреждения, организации): ответственность за конечные стратегические результаты возлагается непосредственно на руководство (учреждения, организации), за промежуточные результаты несут ответственность руководители соответству-

ющих структурных подразделений и ответственные исполнители.

Г. Фатхутдинов подчеркивает, что формирование стратегии является одним из главных методических вопросов стратегического управления.

Х. Виссема трактует понятие «стратегическое управление» как стиль управления, ориентированный в будущее, направленный на конкуренцию, мотивированный потребителями и методами коммуникации, планирования, принятия решений, передачи информации, с помощью которых аппарат управления и линейные руководители своевременно принимают решения, касающиеся целей предпринимательской деятельности. Итак, в соответствии таким подходом, стратегическое управление – это своего рода стиль управления.

По мнению Н. Туленкова, стратегическое управление – это программный способ мышления и управления, обеспечивающий согласование целей, интересов работников и возможностей организации. Исследователь делает акцент на повышении мотивации, а также заинтересованности работников в его реализации.

Ю. Шаров считает, что стратегией в государственном управлении является обобщающая концепция будущих действий, модель достижения целей, которая определяет приоритеты и основные направления деятельности, а стратегическое управление – это координация целей, новых внешних возможностей и внутреннего потенциала организации, который базируется на стратегическом анализе внешней и внутренней среды организации и стратегическом синтезе, для формирования стратегии развития.

Также, отмечается, что для разработки долгосрочной стратегии ключевое значение имеют методы разработки стратегий, а именно: инновационный; обновления; постепенного совершенствования [6, с. 253].

Рассматривая вопрос об эволюции стратегического планирования, Г. Гаррон выделяет следующие эволюционные этапы развития стратегического планирования:

I этап (с VI-V в. до н. э. – - применение планирования в военном деле. Основной его характеристикой было масштабное мышление, согласно которому принимались во внимание все возможные варианты и должное внимание уделялось изменению внешней среды; акцент делался на четко сформированной долгосрочной финальной цели, которая должна быть достигнута [5, с. 163];

II этап (с 60-х годов XX в.) – широкое использование планирования в бизнесе. Происходила реализация стратегического планирования на предприятиях, оно начало отображаться и в функциях управления. При этом каждый руководитель стал разработчиком стратегии. Стратегическое планирование начинает учитывать интересы всей организации или блока управления, а все сотрудники в разной степени привлекаются к его разработке;

III этап (с 70-х годов XX в.) – связан с началом внедрения планирования в образование. Этот период характеризовался тем, что развитые страны

взяли на себя обязательство распространять преимущества стратегического управления и планирования в мире путем создания системы обучения. Происходит подготовка и реализация национального стратегического планирования, ориентированного на результат. При этом инициатива ускоренного продвижения дала дополнительный импульс многим странам [4, с. 119];

IV (с 80-х годов XX в.) - введение массового использования стратегического планирования в государственном управлении. Основной характеристикой данного периода является модернизация государственного управления путем использования принципов стратегического управления. Стратегическое планирование, что обеспечивает более эффективное и результативное использование важных для общества ресурсов, а также подотчетности расходов. Происходит адаптация государственного управления к спецификации объекта управления с целью достижения долгосрочных целей [3, с. 914].

Рассмотрим указанные методы разработки стратегий, такие как:

- инновационный;
- обновления;
- постепенного совершенствования, которые существенно различаются между собой.

В современном мире, инновации находятся в центре любой стратегии, кроме того они могут рассматриваться как стратегия выживания во многих высокотехнологических секторах.

Стратегия постепенного совершенствования является стремлением к постоянному прогрессу в процессе ежедневной деятельности.

Стратегия обновления отличается значительно меньшими интеллектуальными и организационными затратами относительно постепенного совершенствования, а также временным ресурсом.

Ход перемен в этом контексте выделяет основную суть стратегического управления и связь субъекта с его окружением, что в свою очередь, порождает различную трактовку этого процесса [2, с. 67].

Формулировка определения «стратегического управления» приобретает различную смысловую трактовку в зависимости от выбранного за основу стратегии типа.

Итак, Ю. Шаров пришел к выводу, что «стратегическое управление» - это особый вид управления, сосредоточенного на ключевых вопросах исполнения миссии организации. Оно фокусируется на своевременном реагировании на вызовы внешней среды и внесении необходимых изменений в структуру, рабочие процедуры, баланс ресурсов для приобретения «силового» поля соответствующего воздействия на окружение и закрепления конкурентных преимуществ. Указанные преимущества обеспечивают жизнедеятельность и развитие учреждения, организации в долгосрочной перспективе.

Ж. Смит понимает понятие «стратегическое управление», как механизм решения проблемы развития и обеспечения непрерывности развития.

По мнению Ж. Смита «стратегическое управление» - это определенная методологическая модель, которая должна обеспечивать управление организационным развитием, таким образом, чтобы гарантировать ей независимую адаптивность к меняющимся условиям жизнедеятельности. Такое понимание сущности стратегического управления раскрывается через функциональную цель, которая должна сводиться к тому, чтобы преодолеть определенную нестабильность постиндустриальных условий организационного развития.

Таким образом, анализ различных определений понятий и трактовок «стратегическое управление» в трудах отечественных и зарубежных ученых позволил систематизировать типовые характеристики подходов в соответствующей таблице (см. табл. 1.).

Таблица 1
Подходы к определению понятия «стратегическое управление»

Автор	Определение стратегического управления
Энциклопедия государственного управления	Особое, отличное от текущего, управление организацией на основе стратегии, которое ориентирует всю деятельность на установление постоянной связи с внешним окружением и внесения своевременных изменений для закрепления способности организации к эффективному выполнению своей миссии и обеспечению долгосрочного выживания организации в меняющейся среде.
В. Василенко	Процесс, посредством которого менеджеры осуществляют долгосрочное руководство организацией, определяют специфические цели деятельности, разрабатывают стратегии для достижения этих целей, учитывая все релевантные (существенные) внешние и внутренние условия, а также обеспечивают выполнение разработанных соответствующих планов, постоянно развиваются и меняются
О. Виханский	Динамическая совокупность пяти взаимосвязанных управленческих процессов: анализа среды, определения миссии и целей,

Итак, стратегическое управление представляет собой процесс выбора и реализации целей, позволяющий изучать внешнее окружение, а также проводить процесс формирования стратегии к внутренним и внешним возможностям развития государства в достижении поставленной цели.

Подходы к пониманию сути стратегического управления как составляющей управленческого процесса, заимствованы в ряде случаев из разработок зарубежных ученых, в том числе практики управления японских, американских, европейских организаций. Стратегическое управление имеет определенную проблематику, поскольку стратегия не дает точного и детального предсказания будущего, а лишь формирует качественное желание того, в каком состоянии должно находиться государство в будущем. Стратегическое управление, в частности, выясняет такие аспекты: где вы сейчас, где вы хотите быть в будущем; каким образом обеспечить движение к желаемому будущему.

Сейчас современная система государственного управления в России не отвечает в полной мере потребностям страны в проведении комплексных реформ в различных сферах государственной политики. Основным недостатком действующей системы стратегического управления и планирования является несоответствие между нормативно утвержденным перечнем прогнозных и программных документов и требованиями, предъявляемыми на современном этапе общественного развития. Ситуация с одной стороны, характеризуется демонстрацией ОБВ и ОМС желания внедрять новейшие практики управления, с другой – отсутствие у подавляющего большинства служащих понимания, чем, собственно, они должны оперировать. То есть отсутствует осознание форм и целей деятельности.

Учитывая интенсивность накопления опыта нормотворчества в сфере стратегического управления и планирования, указанные нормативно-правовые акты создают определенные рамки, но эти документы так и не сформировали надлежащие условия для функционирования действенной системы стратегического управления. Итак, выделяются следующие ключевые проблемные вопросы [1, с. 193].

Во-первых, отсутствие четкого подхода к стратегическому управлению и планированию. В России существовало избыточное количество базовых документов, касающихся вопросов стратегического управления и планирования. В частности, значительное количество экономических стратегий, программ деятельности правительства, ежегодных государственных программ социально-экономического развития России.

В большинстве стран единственным документом стратегического управления и планирования является программа правительства. Такая программа обычно содержит:

- прогноз социально-экономического развития государства, в частности на средне - и долгосрочную перспективы;
- задачи, приоритеты экономической политики, в частности Стратегию бюджетной политики, конкретные меры в различных сферах экономики;
- расходы государственного бюджета на реализацию предложенного плана и источники финансирования.

Итак, подход, который основывается на едином документе – программе правительства, значительно упрощает сам процесс стратегического управления и планирования, а программы социально-экономического развития понятны, последовательны, обоснованы.

Такой документ содержит большинство составляющих систем стратегического управления и планирования, которые в России оформляются отдельными документами, часто между собой не в полной мере согласованные.

Во-вторых, в российском государстве нередко наблюдается отсутствие устойчивой связи между прогнозированием и планированием, в подавляющем большинстве это касается среднесрочного

планирования на разных уровнях государственного управления. Прогнозирование должно лежать в основе планирования, то есть эти две составляющие органично дополняют друг друга, формируя таким образом обоснованную стратегию экономической политики государства. Вместе с тем, в нашей стране ситуация остается следующей:

– в краткосрочной перспективе прогнозирование довольно часто подчинено планированию, а не наоборот;

– в средне- и долгосрочной перспективах прогнозирование имеет декларативный характер и не представляет значительной практической ценности для разработчиков программных документов социально-экономического развития.

В-третьих, существует разобщенность между государственным и бюджетным планированием. Отсутствует в достаточной мере четкая связь между государственным и бюджетным планированием. Это, в свою очередь, приводит к тому, что программы социально-экономического развития государства принимаются без реального учета бюджетных возможностей, а бюджетное планирование довольно часто не учитывает приоритеты социально-экономической политики, отраженные в государственных программах.

В-четвертых, сохраняется избыточное количество нормативно-правовых актов, определяющих планирование социально-экономического развития государства. В России длительное время функционировало около 100 государственных целевых и более 800 бюджетных программ, что значительно затрудняло выработку единой стратегии экономической политики. Как уже отмечалось, эти документы часто являются несогласованными и не гармонизированными, поэтому ряд стратегически важных государственных целевых программ остается не профинансированными. Зато в бюджетных программах часто отдается предпочтение направлениям, которые не коррелируются с приоритетами экономической политики государства, отраженными в государственных целевых программах.

Таким образом, дальнейшее развитие государственного управления требует новых подходов, среди них особое место в этом процессе занимает стратегическое управление. В этом контексте особую актуальность приобретают исследования проблематики функционирования механизмов политических процессов управления и стратегического планирования.

Литература

1. Вахрушева М.А. Участие Казахстана в международных организациях как реализация многовекторной внешней политики // Дневник Алтайской школы политических исследований. 2016. № 32. С. 293-294.

2. Ермолович Г.П. Международное право и политика (к вопросу о роли международного права во внешней политике) // Современные проблемы права, экономики и управления. 2017. № 1 (4). С. 65-68.

3. Коротышев А.П., Голубин Р.В. Российская политика в фокусе внимания центра стратегических и международных исследований (США): актуализация угроз безопасности // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 158. № 3. С. 912-921.

4. Попов Н.Г. Россия в системе международных отношений: актуальные вопросы большой политики 2014-2016 гг. // В сборнике: Молодежь. Инициатива. Развитие Сборник материалов II регионального форума. Ответственный редактор Олешкова А. М.. 2016. С. 118-123.

5. Сабиев М.Т., Грешнова Е.Р. Международные экономические санкции как инструмент регулирования современной мировой политики (на примере санкционной политики Европейского союза) // В сборнике: роль и значение науки и техники для развития современного общества сборник статей Международной научно-практической конференции. 2018. С. 162-164.

6. Сабиев М.Т., Грешнова Е.Р. Международные экономические санкции как один из инструментов регулирования мировой политики (на примере санкционной политики Европейского союза) // В сборнике: интеграция науки, общества, производства и промышленности сборник статей Международной научно-практической конференции. 2018. С. 252-254.

7. Сальников М.В., Третьяков И.Л., Петров П.А. Доктринальные подходы к международному сотрудничеству в борьбе с преступностью: оперативно-розыскная политика как элемент уголовной политики // Мир политики и социологии. 2016. № 4. С. 125-134.

8. Узнародов Д.И. Новороссия как субъект международной политики: проблемы и перспективы // Наука Юга России. 2016. Т. 12. № 1. С. 75-83.

9. Хилецкая О.М. // Основные международные нормативно правовые акты о формировании российской антинаркотической политики // Экономика, социология и право. 2016. № 9. С. 66-69.

10. Червоненко Д.Р. Учетная политика как основа учетной системы: подходы к оформлению учетной политики в российской и международной практике // В сборнике: Бухгалтерский учет, анализ и аудит: прошлое, настоящее, будущее Сборник научных статей по материалам Всероссийского научного конвента с международным участием. Под редакцией П.П. Баранова. 2018. С. 351-354.

The current state of research into the problematics of the functioning of mechanisms of political management processes

Musienko T.V.

St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

Today, strategic management is of particular importance, as it is an important functional resource for sustainable development of the state. Therefore, effective public administration in conditions of dynamic development presupposes a fundamentally new, transparent mechanism for planning activities at all levels. Hence the need arises to develop new approaches to strategic management in Russia.

Strategic management today is the subject of a separate analysis in many areas of scientific knowledge, in particular, in public administration. The overwhelming majority of scientists, when understanding the essence of strategic management, proceed

from the expediency of considering it as a management system and a separate science.

The current traditional approaches to public administration do not fully correspond to the objective realities of the modern world. Therefore, further development of public administration requires new approaches, among which strategic management occupies a special place in this process.

Key words: trends, prospective development, formation, life support, public administration.

References

1. Vakhrusheva M.A. Participation of Kazakhstan in international organizations as the implementation of a multi-vector foreign policy // Diary of the Altai School of Political Research. 2016. No. 32. S. 293-294.
2. Ermolovich G.P. International law and politics (on the role of international law in foreign policy) // Modern problems of law, economics and management. 2017. No. 1 (4). S. 65-68.
3. Korotyshev A.P., Golubin R.V. Russian politics in the focus of the Center for Strategic and International Studies (USA): Updating Security Threats // Scientific Notes of Kazan University. Series: Humanities. 2016. Vol. 158. No. 3. S. 912-921.
4. Popov N.G. Russia in the system of international relations: topical issues of big politics 2014-2016 // In the collection: Youth. Initiative. Development Collection of materials of the II regional forum. Managing editor Oleshkova A.M. 2016. S. 118-123.
5. Sabiev M.T., Greshnova E.R. International economic sanctions as a tool for regulating modern world politics (on the example of the sanctions policy of the European Union) // In the collection: the role and significance of science and technology for the development of modern society, collection of articles of the International Scientific and Practical Conference. 2018. S. 162-164.
6. Sabiev M.T., Greshnova E.R. International economic sanctions as one of the instruments for regulating world politics (on the example of the sanctions policy of the European Union) // In the collection: the integration of science, society, production and industry, a collection of articles of the International Scientific and Practical Conference. 2018. S. 252-254.
7. Salnikov M.V., Tretyakov I.L., Petrov P.A. Doctrinal approaches to international cooperation in the fight against crime: operational-search policy as an element of criminal policy // World of Politics and Sociology. 2016. No. 4. S. 125-134.
8. Uznarodov D.I. Novorossiya as a subject of international politics: problems and prospects // Science of the South of Russia. 2016. T. 12. No. 1. P. 75-83.
9. Khiletskaya O.M. // Main international normative legal acts on the formation of Russian anti-drug policy // Economics, Sociology and Law. 2016. No. 9. P. 66-69.
10. Chervonenko D.R. Accounting policy as the basis of the accounting system: approaches to the design of accounting policy in Russian and international practice // In the collection: Accounting, analysis and audit: past, present, future Collection of scientific articles based on the materials of the All-Russian scientific convention with international participation. Edited by P.P. Baranova. 2018. S. 351-354.

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Нурышев Геннадий Николаевич

доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений, политологии и истории Санкт-Петербургского государственного экономического университета,
g.nuryshhev@yandex.ru

Региональная политика Европейского Союза имеет глубокие исторические корни становления и развития, которые происходили параллельно со становлением самой организации европейского объединения, а ее истоки относятся к началу европейского интеграционного процесса. Как Европейский Союз сегодня представляет собой уникальную структуру, так и его региональная политика имеет уникальный характер. Уникальность региональной политики ЕС вытекает из специфики организации как структуры, которая сочетает в себе черты классической международной организации и государства двух типов - федеративного и конфедеративного. Региональная политика в данном контексте должна была бы формироваться как в интересах всего интеграционного сообщества, так и учитывая интересы государств ее региональных структур.

Единая Европа, по мнению авторов данного проекта М. Монне и Шумана, должна была бы двигаться в этом направлении постепенно: «Европа не может быть создана сразу и на основе какого-либо генерального плана ее надо строить постепенно, выбирая конкретно приоритетные области сотрудничества, создавая практическую солидарность во всех новых отраслях современной деятельности». Так и региональная политика формировалась постепенно, опираясь на приобретенный в ходе ее реализации опыт, существующие уже на то время концептуальные подходы к пониманию целей и задач региональной политики.

Ключевые слова: региональная политика, опыт, солидарность, концептуальные основы, план.

Современная концепция региональной политики, что сегодня называется Политикой сплочения, механизмы ее реализации и ее институциональное оформление является результатом длительного исторического процесса, который проходил под влиянием целого комплекса факторов. Характер факторов, влияющих на региональную политику в отдельные периоды ее развития, имел свои отличные качественные и количественные характеристики, что влияло на характер, цели, задачи и концептуальные основы региональной политики, механизмы ее реализации. В этом исследовании нет возможности подать их всесторонний характер и типологию. Проблема факторов региональной политики достаточно глубоко исследована в современной регионалистике [10, с. 85] Особенно глубоко отражен в литературе комплекс факторов социально-экономического плана представителями экономической науки. Уровень экономического и социального развития регионов является доминантным фактором на всех этапах развития региональной политики, составляет ее основу и фундамент. В контексте нашей работы мы систематизировали факторы по ряду критериев. Это факторы внешнего порядка, которые действуют вне рамок интеграционной структуры, но влияют на процесс формирования ее региональной политики, а также комплекс факторов, действующих внутри самой структуры. Кроме того, мы выделяем комплекс факторов, которые имеют постоянный характер и действуют на всех этапах развития региональной политики, а также факторы временного характера, влияние которых был ограничен временными рамками. А также факторы, которые имели как объективный, так и субъективный характер. Типология факторов, анализ их влияния, на наш взгляд, дает возможность проследить процесс эволюции региональной политики ЕС и выделить в этом процессе этапы качественных и количественных трансформаций ее параметров. Сегодня актуализация этой задачи мотивируется тем, что как показывает анализ литературы, исследователи не имеют единых подходов к критериям определения этапов в ее развитии. Наиболее дискуссионным является вопрос об определении начала региональной политики ЕС и определению начальных этапов ее становления. Проведенный анализ позволяет выделить четыре основных существующих сегодня подходы к проблемам начале становления региональной политики ЕС.

Первый представлен группой авторов, которые определяют ее началом 1951 г., таким образом связывая ее непосредственно с началом интеграционных процессов, создание Европейского сооб-

щества угля и стали. Такой подход обосновывает в своих работах целый ряд авторов. Это И. Бусыгина, Белов И., Г. Яровой и О. Белокурова. Для них аргументом служит то, что в этот период потрачено 104 млн долларов США на реконверсии и 98 млн долларов США на переселение из районов закрытых шахт и переподготовку шахтеров.

Второй подход, к которому относится большинство исследователей, определяет начало региональной политики ЕС с 1957 г., связывая его с подписанием Римского договора, в преамбуле которой было четко определено: «Необходимо усилить единство наших экономик и обеспечить их гармоничное развитие, сглаживая различия между регионами и преодолевая отсталость наименее развитых регионов». Именно появление этой формулировки в римском договоре, как считают сторонники этого подхода, положило начало коммунитарной региональной политике. Такое обоснование присутствует в трудах как западных исследователей, так он характерен и для авторов постсоветского пространства [9, с. 270].

Достаточно широко представлен в литературе третий подход, определяющий начало становления региональной политики с 1960-х гг. Аргументы его представителей сводятся к тому, что в этот период было создано Генеральную дирекцию региональной политики, которая получила название DI-16, стала главным конструктором европейского регионализма так и ответственным за разработку общей коммунитарной региональной политики, и появляется в 1969 г. документ с названием «Региональная политика Сообщества», в котором непосредственно указывалась необходимость «приступить к организации деятельности Сообщества по вопросам регионального развития» и звучал призыв к реализации региональной политики. Документ не содержал в себе ее четкой концепции, а определял ряд мер направлений деятельности по оптимизации индустриальных регионов и оказанию помощи отсталым. Определял финансирование региональных проектов через передачу средств.

Сторонники четвертого подхода определяют начало региональной политики с первой половины 1970-х гг. Для них критерием начале есть вступление Британии в ЕЭС в 1973 г. и создание в 1975 г. ЕФРР (Европейский фонд регионального развития). Так Есть Кош считает, что по сути региональной политики Сообщества не существовало до вступления в него Великобритании, и принципиальная мотивация необходимости разработки концепции региональной политики была обусловлена, по ее мнению, экономическими и прежде всего финансовыми причинами – как усиление политической склонности британских граждан к членству в ЕС путем возврата взносов через региональную политику.

Такой подход является характерным и для С. Артболевского. Другие исследователи сторонники этого подхода как аргумент в его пользу связывают начало региональной политики с экономическим и энергетическим кризисом начала 1970х гг. Так А.А. Бородина считает, что до кризиса 1970-х

гг. региональная политика не имела глобального характера и не рассматривалась как способ проведения западноевропейской интеграции. Этот подход отражен и в работах ряда западных исследователей [8, с. 215].

Таким образом, вопрос о сроках начала становления региональной политики имеет дискуссионный характер, значительно отличаеь временных рамках. Это вполне касается и ее периодизации. В работах исследователей приведено множество предложенных периодизаций. Наиболее распространенными являются следующие. Для сторонников первого подхода наиболее характерна периодизация предоставлена И. Бусыгиной которая выделяет три этапа: 1951-1975 гг. – подготовительный; 1975-1988 гг. – начальный, с 1988 г. – период структурной политики, то есть Политики сплочения. Для авторов, которые считают ее началом 1957 г. типичной является периодизация предоставлена в труде С. О. Маковского, где выделены этапы. Начальный с 1957 г. до середины 1970-х гг., затем этап ее становления с середины 1970-х гг. до 1988 г., а также этап ее развития с 1988 г. до настоящего времени.

Ряд исследователей склоняется к более детальной периодизации. Так, в работе А. Гусейнова выделены четыре этапа: 1957-1965 гг., 1966 г. – середина 1970-х гг., 1975-1988 гг., 1988 г. до настоящего времени. В основу своей периодизации он заложил изменения целей и задач региональной политики, а также решение Европейского Союза от 15 апреля 1964 г., согласно которому региональная политика стала составной частью средиземноморской экономической политики ЕС.

Для исследователей экономистов характерно выделение двух больших этапов 1957-1988 гг. и с 1988 г. до настоящего времени. В середине второго этапа они рассматривают процесс трансформации региональной политики в контексте финансово-экономических планов развития ЕС, планов развития Политики сплочения [7, с. 72].

Принципиально отличный подход в определенных этапов становления региональной политики ЕС предложила А. В. Сорокина. В основу своей периодизации она заложила существующие на сегодня подходы в экономической науке к преодолению неравномерности социально-экономического развития. Первый подход – это деятельность федерального правительства. Второй – активная бюджетная политика самого региона. В контексте такого подхода она выделяет первый этап (50-60 pp. XX в.), когда действуют так называемые дирижистская модель региональной политики, когда доминировал первый подход, и решающая роль принадлежала государству и наднациональным структурам. Второй этап – это 70-80 гг. XX в., когда реализуется неолиберальная модель, в ходе которой в основу региональной политики был положен не принцип социальной справедливости, а принцип хозяйственной эффективности или экологической оправданности. В 90-х гг. XX в. начинается новый этап, который продолжается и по нынешнее время, который характери-

зуются обобщением лучших практик дирижизма то неолиберализма учитывая формирование постиндустриального и информационного общества [6, с. 10].

Интерес представляет и периодизация, предложенная российским исследователем Ю.А. Косовым и А.В. Торопыгиным. Признавая начало ее становления началом 50-60-х гг. XX в., они определяют этапы ее развития в контексте процессов ее имплементации внешней политики ЕС, решая проблемы, связанные с приемом новых членов, а также в рамках таких инициатив как «Северное измерение», «Черноморская синергия», «Восточное партнерство» и «Европейская политика соседства».

Анализ предложенных периодизаций показывает, что практически все они выделяют как знаковый 1988 г. определяя, что кардинальная реформа региональной политики, начатая в этом году, привела к изменениям качественных ее характеристик, ее сущности, она трансформировалась в структурную политику – Политику сплочения. В то же время не существует четких критериев при выделении этапов развития региональной политики. На наш взгляд это во многом обусловлено сложностью и многовекторностью самого содержания региональной политики. Поскольку она охватывает все аспекты жизни общества от экономических и финансовых до культурно-этнических, ее изучение требует комплексного подхода. Большинство исследований по вопросам региональной политики посвящены отдельным ее направлениям. Отсюда и разные подходы к выделению критериев в определении этапов ее развития. Экономисты в основу периодизации закладывают трансформацию, связанную с изменением целей, экономических и финансовых механизмов ее реализации. Политологи, юристы берут за основу формирование и трансформацию принципов и идеологии региональной политики, создания правовой базы для ее реализации. Специалисты в области управления акцентируют внимание на этапах формирования новых уровней управления в рамках ЕС и новой модели «центр-регионы» в пределах государства. Изменения, происходящие в результате реализации региональной политики, определяются критериями для ее периодизации. Ряд исследователей основывают свою периодизацию на сугубо политических показателях, связывая ее с увеличением количества стран-участниц ЕС [5, с. 132].

На основе анализа литературы нами выявлено более десяти периодизаций региональной политики. Основываясь на анализе литературы, самого процесса развития региональной политики, документов и материалов как наднациональных структур и документов, которые характеризуют национальную региональную политику стран-членов Сообщества, нами предлагается следующая периодизация развития региональной политики ЕС. Мы соглашаемся с теми авторами, которые относят ее начало к 1951 г., то есть заключение соглашения о создании Европейского сообщества угля и стали, считая их аргументы обоснованными. Конечной

точкой этого начального этапа имеется в 1988 г., когда началось ее реформирование, суть которой заключалась в трансформация ее в структурную политику, обозначенную в официальных документах Сообщества как Политика сплочения. Официально эта дата считается ее началом. В 2018 г. ЕС отмечал ее тридцатилетний юбилей. Второй этап мы определяем хронологическими рамками 1988-2000 гг. Третий период охватывает 2000-2008 гг. Четвертый этап мы определяем с 2008 г. до настоящего времени.

Выделение тех или иных этапов в развитии региональной политики обусловлено приобретением ею новых как количественных так и качественных характеристик, изменениями ее целей и задач, а также функций, которые она выполняет, той ролью, которую она играет в целом в жизни Европейского Союза и его политике. Новые качественные параметры должны приобретать и механизмы ее реализации. Все это предполагает изменения его концептуальных основ, степень ее институционализации соответствующего уровня правового обеспечения [4, с. 112].

Для выделения этапов выдающуюся роль играет и анализ факторов. Под влиянием которых она меняет свои параметры. Первый выделенный нами этап (1951-1988 гг.) мы характеризуем как начальный, подготовительный этап. Мы исходили из того, что официально ЕС считает началом становления своей региональной политики. Это был сложный период поиска ее концептуальных основ, механизмов реализации, четкого осознания целей и задач наднациональной региональной политики европейской структуры, которая создается и динамично развивается. Это был поиск той роли, которую она должна играть на пути создания Единой Европы. Этот период достаточно глубоко отражен в литературе в работах авторов, указанных выше. В то же время проблема, связанная с анализом и систематизацией факторов, под воздействием которых этот процесс проходил, требует уточнения. Это в первую очередь характер взаимодействия и влияния внутренних и внешних факторов на ее становление и развитие.

Выдающимся внешним фактором этого периода была геополитическая ситуация в Европе, связанная с формированием биполярной системы международных отношений, и следствием которой стала Холодная война. Европа была на передовой линии этой войны.

К внешним факторам этого периода также необходимо отнести мировую энергетическую и экономический кризис середины 1970-х гг. и спад экономического развития в начале 1980-х гг. Последствия этих кризисов стали мощным катализатором развития региональной наднациональной политики и в конце 1980-х гг. начали влиять на развитие глобализационных процессов. Доминирующим внутренним фактором на этом этапе, как и на всех последующих, является процесс интеграции и его особенности на каждом из выделенных нами этапов. На этом этапе развитие интеграции проходил как вширь, так и вглубь. Процесс

углубления европейской интеграции последовательно ведет к перманентному процессу расширения географических границ ЕС. Расширение и углубление европейской интеграции необходимо рассматривать как два различных процесса, в то же время, тесно связанных друг с другом. Оба эти процесса определяют динамику развития ЕС. Исследователь Ю. Борко во время характеристики этих двух процессов определял, что ведущим является углубление, т. е. процесс именно экономической интеграции как таковой. Он создает и по мере развития усиливает «гравитационное поле» региональной группы. Однако и расширение, в свою очередь, увеличивает общий потенциал региональной группировки и, тем самым, «силы его притяжения» [3, с. 14].

На этом этапе развития качественные изменения в развитии интеграции, переход на более высокий уровень развития происходил дважды, с созданием новых интеграционных структур на основе принятой в 1957 г. Римской соглашения и в 1986 г. на основе принятия Акта о создании Сообщества, что открыло путь к созданию Евросоюза. В ходе подготовки Римской соглашения уже присутствовало четкое осознание необходимости реализовывать наднациональную региональную политику. Об этом убедительно свидетельствует заявление председателя Международного подготовительного комитета по разработке данного соглашения, в котором четко указывалась необходимость «усиления мер, направленных на поддержку остальных регионов, и предоставление рабочих мест незаангажированной рабочей силе». Преамбулы соглашения было включено положение о необходимости «усиливать единство экономик и гарантировать их гармоничное развитие, сглаживая различия между регионами и преодолевая отсталость наименее развитых регионов». В этом документе отсутствует понятие региональной политики, но он достаточно четко очерчивает необходимость действий в этом направлении [2, с. 160].

Таким образом, не формулируя четкого понятия региональной политики, не очерчивая ее цели, задачи, механизмы реализации, римское соглашение все же определило необходимость ее проведения. Подписание Общеввропейского акта 1986 г. перевело европейскую интеграцию на новый качественный уровень. В этом документе региональная политика начинает рассматриваться как важнейшее условие и как инструмент развития европейского интеграционного процесса и развития малой интеграции на основе регионализации. Об этом свидетельствовало включение в единый европейский акт специального раздела V "экономическое и социальное объединение" В. 130 а; 130 е, которые определили роль региональной политики как одного из инструментов дальнейшего развития интеграционного процесса и перехода его в новое качество. Таким образом, в этот период на уровне Сообщества приходит четкое понимание того, что региональная политика, защита интересов регионов являются обязательными условиями развития европейского интеграционного процесса. В этом

контексте абсолютно правомерным является вывод ряда исследователей, которые рассматривают региональную политику как результат интеграционных процессов.

Ее появление - следствие признания уже на середину 1950-х гг. того, что диспропорции в социально-экономическом развитии регионов являются главными препятствиями на пути развития европейского интеграционного процесса. Углубление интеграции приводит к расширению его географических границ. В 1969 г. было принято решение о расширении европейского общества на север. Уже летом 1970 г. начались переговоры по вступлению Великобритании, Дании, Норвегии и Ирландии. В 1973 г. в Сообщество вступают Дания, Британия. Ирландия. Вторая волна расширения прошла в 1980-х гг., когда в Сообщества вступила ряд стран Южной Европы: Греция, Португалия, Испания. Новые страны резко денонсировали по уровню своего развития. Кроме того, Греция и Португалия фактически не имели своей национальной региональной политики, а Испания имела ярко выраженную специфику ее проведения, вытекающую из особенностей ее государственного устройства. Вступление этих государств не только обострил проблему диспропорционального развития в рамках Сообщества, но и резко актуализировал проблему, связанную с взаимодействием наднациональной региональной политики с национальными региональными политиками.

В условиях развития интеграционного процесса вширь формирования наднациональной региональной политики невозможно без учета особенностей национальных региональных политик, без степени их развития, принципов. Таким образом, в этот период начинает действовать фактор связан с необходимостью учета уровня развития национальных политик, который можно отнести к постоянным факторам, с учетом которого проходило становление региональной политики и ее модернизация на дальнейших этапах развития. И если на начальном этапе становления в первую очередь учитывались особенности параметров, связанных с социально-экономическими показателями, уровнем развития экономики, занятости населения, то по мере развития интеграции вглубь и вширь с созданием Европейского Союза, количество параметров в оценке специфики развития регионов намного увеличилась.

В этот период начинает действовать следующий фактор, который стал иметь долговечный характер, приобретая на следующих этапах все большее влияние на региональную политику – это процесс регионализации, связанный с развитием нового регионализма. По мнению исследователей на этот момент существовала реальная угроза его распада [1, с. 20].

Уже на этом начальном этапе выстраивая наднациональную региональную политику руководство Сообщества опиралось на мировой опыт ее реализации, истоки которого лежат в 1920-х гг., а также в теоретико-методологических разработках проблем диспропорций в развитии регионов и

их преодоление. Появляется ряд работ, в которых обосновываются возможные пути решения этой проблемы. Среди них в первую очередь необходимо отметить труды, где было сформировано теории кумулятивной причинности Г. Мюрдаля, полюсов роста С. Полларда, кейнсианскую модель, нелиберальную теорию Н.Паелинка и П.Нийкампа, новую экономическую географию П.Кругмана, институциональную географию А.Амина и Б.Ашейма др, идеи которых были заложены в основу региональной политики, особенно в условиях ее модернизации. Ее кардинальная реформа 1988 г. во многом была основана на тех теоретических и концептуальных подходах, которые были выработаны к тому времени, в первую очередь учеными-экономистами. Уровень и степень теоретической разработки концептуальных основ региональной политики, который имел место в тот или иной конкретный исторический период развития ЕС во многом определял ее основу и модель ее развития. Так, практически до конца 1970-х гг. региональная политика не имела четкой концептуальной основы и рассматривалось главным образом как инструмент помощи регионам, которые больше всего в этом нуждались. Можно полностью согласиться с мнением ряда исследователей относительно того, что региональная политика носила характер благотворительности и была разовым инструментом «тушения пожара». Во многом это объясняется недостаточно высокой степенью разработки теоретических основ региональной политики со стороны ученых.

Наряду с поиском концептуальных основ региональной политики проходит процесс ее институционализации, закладываются основы ее правового оформления. Так в 1969 г. создается Директорат региональной политики, в 1975 г. Комитет регионов и один из главных механизмов ее реализации Европейский фонд регионального развития (ERDF). Одной из особенностей региональной политики, которая начала проявляться уже на этом этапе является ее связь с процессами формирования системы управления. Процессы регионализации актуализировали проблему управления региональной политики. Начинается процесс поиска модели многоуровневого правления, включения в систему управления органов власти и муниципалитетов. В этом контексте важную роль сыграло принятие Хартии о местном самоуправлении, которая заложила основу современной многоуровневой системы управления ЕС.

Анализ региональной политики на данном этапе ее развития свидетельствует о правомерности вывода, что на этом этапе интеграции ее основатели осознали необходимость проведения региональной политики. С 1970-х гг. начинается процесс ее структуризации, формируется правовое поле, в рамках которого региональная политика приобретает наднационального характера. На конец 1980-х гг. в условиях расширения и углубления интеграционных процессов, развития регионализации руководство Сообщества осознает необходимость кардинальной модернизации региональной поли-

тики с целью ее адаптации к новым условиям, связанных как с внутренними факторами процесса перехода к созданию ЕС, так и изменениями геополитической ситуации в мире, обусловленной началом новых отношений между западом и СССР и демонтажем социалистической системы в странах Центральной и Восточной Европы. В 1988 г. с вступлением в силу Европейской хартии местного самоуправления начинается реформа региональной политики, которая трансформирует ее в структурную политику – Политику сплочения. Именно 1988 г. большинство исследователей определяет как знаковую точку в ее развитии.

Второй этап развития Политики сплочения мы определяем хронологическими пределами с 1988 по 2000 гг. Этот этап выделяется у некоторых авторов, особенно это характерно для представителей экономической науки. Для них главными критериями, наряду с реформой 1988 г., которая реформировала региональную политику в структурную Политику сплочения, служат, прежде всего, изменение социально-экономических и финансовых параметров региональной политики, финансовых механизмов ее реализации, переводение ее формирования соответственно перспектив бюджета Сообщества.

Вместе с вышеупомянутым подходом к выделению этого этапа, который является абсолютно правомерным, по нашему мнению, в контексте политологического анализа необходимо более глубокое осмысление специфики этого этапа, той роли которую играла региональная политика на этом этапе развития европейского интеграционного процесса. Особый интерес представляет также анализ факторов, под влиянием которых шел процесс ее трансформации. На наш взгляд особенностью этого этапа является то, что в этот период идет наложение мощных факторов внешнего характера вместе с факторами внутреннего характера, которые вытекали из изменений качественных и количественных параметров внутри Сообщества.

К внешним факторам относятся процесс глобализации, интенсивно развивается, а также масштабные геополитические изменения, связанные с распадом СССР и социалистического лагеря, окончанием холодной войны. Все эти факторы создавали принципиально новую ситуацию в Европе и мире в целом. Ситуация менялась и под влиянием внутренних факторов, связанных с созданием ЕС, переходом развития европейского интеграционного общества на новый качественный уровень. В результате новой геополитической ситуации произошло объединение Германии. Создание единого немецкого государства стало фактором, повлиявшим и на политику сплочения. Это влияние имело двойной характер. Так включение Восточной Германии в состав ФРГ привело к росту диспропорции и асимметрии не только в рамках страны, но и актуализировало эту проблему внутри ЕС. Вместе с тем объединение страны усилило позиции Германии как лидера не только ЕС, но и всего Европейского континента, сделав ее основным бенефициаром ЕС и его региональной поли-

тики. Новая геополитическая ситуация стала мощным катализатором развития процессов регионализации, которые стали одним из доминирующих факторов влияния на Политику сплочения и процесс ее трансформации в этот период.

Литература

1. Авдонин В.С. Об изменениях в исследовательском поле российской политической регионалистики // В книге: Политика развития, государство и мировой порядок Материалы VIII Всероссийского конгресса политологов. Под общ. ред. О. В. Гаман-Голутвиной, Л. В. Сморгунова, Л. Н. Тимофеевой. 2018. С. 19-20.

2. Баранов А.В. Тенденции развития российской политической регионалистики как научного направления в 2010-х гг // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2019. Т. 15. № 2. С. 154-166.

3. Козлов М.И. Роль политической регионалистики как учебной дисциплины в системе подготовки магистров-социологов // В сборнике: развитие северо-арктического региона: проблемы и решения в гуманитарной сфере Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2019. С. 12-15.

4. Лазарев М.В., Першуткин С.Н. Геополитические прогнозы и политическая регионалистика: быть ли федеральным округам? // Вестник академии военных наук. 2016. № 2 (55). С. 110-114.

5. Морозова Е.А. Политическая регионалистика // В книге: Субдисциплины политической науки Ростов-на-Дону, 2016. С. 125-137.

6. Нефедов С.А., Демченко Д.А. Регион персидского залива как предмет международной политической регионалистики // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 8. С. 9-13.

7. Слизовский Д.Е. К истории рецензии "политическая регионалистика: оригинальный учебник для высшей школы" // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2019. № 2 (16). С. 71-73.

8. Труханов В.А. Институционализация политической регионалистики // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 1 (114). С. 213-218.

9. Хаматханова М.М. Современная политическая регионалистика Северного Кавказа // В сборнике: Сборник научных статей Института социальных исследований ИнГУ Назрань, 2018. С. 261-275.

10. Штанько М.А. Компаративистика как метод политической регионалистики // В сборнике: Advances in Science and Technology Сборник статей XVIII международной научно-практической конференции. 2019. С. 85-86.

Stages of development of the European Union regional policy Nuryshv G.N.

St. Petersburg State University of Economics

The regional policy of the European Union has deep historical roots of formation and development, which took place in parallel with the formation of the organization of the European Union itself, and its origins date back to the beginning of the European integration process. Just as the European Union today is a unique structure, so its regional policy is unique. The uniqueness of the EU's regional policy stems from the specifics of the organization as a structure that combines the features of a classical international organization and a state of two types - federal and confederal. Regional policy in this context should be formed both in the interests of the entire integration community and taking into account the interests of the states of its regional structures.

A united Europe, according to the authors of this project M. Monnet and Schumann, should have moved in this direction gradually: practical solidarity in all new branches of modern activity". So the regional policy was formed gradually, relying on the experience gained in the course of its implementation, the conceptual approaches already existing at that time to understanding the goals and objectives of regional policy.

Key words: regional policy, experience, solidarity, conceptual foundations, plan.

References

1. Avdonin V.S. About changes in the research field of Russian political regionalism // In the book: Development policy, state and world order Materials of the VIII All-Russian Congress of Political Scientists. Under total. ed. O. V. Gaman-Golutvina, L. V. Smorgunova, L. N. Timofeeva. 2018.S. 19-20.
2. Baranov A.V. Trends in the development of Russian political regionalism as a scientific direction in the 2010s // Political Expertise: POLITEX. 2019.Vol. 15.No. 2.P. 154-166.
3. Kozlov M.I. The role of political regional studies as an academic discipline in the system of training for masters-sociologists // In the collection: development of the North-Arctic region: problems and solutions in the humanitarian sphere Materials of the All-Russian scientific-practical conference. 2019.S. 12-15.
4. Lazarev M.V., Pershutkin S.N. Geopolitical Forecasts and Political Regional Studies: Should There Be Federal Districts? // Bulletin of the Academy of Military Sciences. 2016. No. 2 (55). S. 110-114.
5. Morozova E.A. Political regionalism // In the book: Subdisciplines of political science Rostov-on-Don, 2016. S. 125-137.
6. Nefedov S.A., Demchenko D.A. The Persian Gulf region as a subject of international political regionalism // Society: politics, economics, law. 2017. No. 8.P. 9-13.
7. Slizovsky D.Ye. To the history of the review "political regional studies: an original textbook for higher education" // Regional and municipal management: issues of politics, economics and law. 2019. No. 2 (16). S. 71-73.
8. Trukhanov V.A. Institutionalization of political regionalism // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2017. No. 1 (114). S. 213-218.
9. Khamatkhonova M.M. Modern political regionalism of North Kavkaz // In the collection: Collection of scientific articles of the Institute for Social Research, IngGU Nazran, 2018, pp. 261-275.
10. Shtanko M.A. Comparative studies as a method of political regionalism // In the collection: Advances in Science and Technology Collection of articles of the XVIII international scientific and practical conference. 2019.S. 85-86.

ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Соколова Ангелина Олеговна

студентка Института комплексной безопасности и специального приборостроения РТУ МИРЭА.

В статье рассматриваются основные виды административно-правовых методов государственного управления, а также в статье описываются различные точки зрения относительно этой категории, на основании которых делается вывод о том, что государственное управление весьма разнообразно, далее определяется качественный аспект управленческой деятельности методов административно-правового регулирования. Также освещаются характерные черты административных методов государственного регулирования, вытекающие из сущности государственного управления и субъекта административного права.

Ключевые слова: государственное управление, метод, государство, контроль, средство, административно-правовые методы, методы административно-правового регулирования.

Вопросы государственного управления и административного права диалектически взаимосвязаны; В связи с этим, сначала, мы рассмотрим, что на самом деле подразумевается под государственным управлением в теории.

Ю. М. Козлов пишет, что по своему назначению государственное управление является не чем иным, как видом государственной деятельности, в рамках которой практически осуществляется исполнительная власть.¹¹

Ю. Н. Стариков говорил о возможности рассмотрения государственного управления в узком и широком смысле. В узком смысле это административная деятельность, то есть деятельность исполнительных и исполнительно-административных органов государства по осуществлению исполнительной власти как на уровне Российской Федерации, так и ее субъектов. В широком смысле государственное управление - это регулирующая деятельность государства в целом, то есть деятельность представительных органов, судов, прокуроров.¹²

Г. В. Атаманчук указывает, что государственное управление есть организующее и регулирующее воздействие государства на общественную жизнедеятельность людей в целях ее упорядочивания, сохранения, или преобразования, опирающегося на его властную силу.¹³

Проанализировав существующие определения и подходы, мы можем сформулировать следующее понятие государственного управления: - это целенаправленное воздействие органов государственной власти на связи с общественностью, осуществляемое на основе законов и других нормативных актов, для их рационализации, преобразования и изменения в соответствии с целями государственной политики.

Следует отметить, что для целостного понимания особенностей государственного управления и государственного регулирования представляется целесообразным рассмотреть административно-правовые методы государственного управления и их классификацию.

Понятие метода государственного управления призвана продемонстрировать, с помощью каких базовых методов осуществляется государственное управление.

По мнению Д. М. Овсянко, метод государственного управления – это «совокупность определен-

¹¹ См.: Козлов Ю.М. Административное право. – М., 2015. С. 20.

¹² См.: Стариков Ю.Н. Административное право. – Воронеж, 2016.

¹³ См.: Атаманчук Г.В. Государственное управление (организационно-функциональные вопросы). – М., 2015. С. 253.

ных способов и средств правового воздействия на волю и поведение участников регулируемых общественных отношений».¹⁴

Л. Л. Попов считает, что «государственное управление, выполняя регулируемую функцию, использует определенный набор правовых средств или методов регулирования воздействия своих норм на управленческие отношения, на поведение своих участников. Это методы правового регулирования общественных отношений.»¹⁵

Ю. М. Козлов подразумевает под этим методом «определенный набор правовых средств или методов для осуществления регулирующего воздействия права на общественные отношения».¹⁶

Ю. Н. Стариков определяет метод государственного управления, как «правовое средство, которое используется для достижения целей, решения задач и осуществления функций государственной управленческой деятельности».¹⁷

Метод управления является средством практической реализации функций государственного управления деятельности, достижения ее целей. Методы любой деятельности разнообразны. В равной степени это относится к методам управления, поскольку субъекты исполнительной власти различны по своему назначению, а объекты, находящиеся под влиянием, различны. Но это не исключает возможности определенного способа их распределения в интересах выявления наиболее значимых свойств и присущих им специфических особенностей.

Наиболее характерными для методов управления являются следующие:

1) Они органически связаны с целью данного вида государственной деятельности как особого варианта практической реализации единой государственной власти.

2) Они выражают управляющее (упорядочивающее) влияние субъектов исполнительной власти на соответствующие объекты.

3) Они прямо выражены в отношениях между субъектами и объектами государственного управления.

4) Они используются субъектами исполнительной власти в качестве средств реализации, закрепленной за ними компетенции.

5) У метода контроля всегда есть адресат соответствующего объекта (индивидуальный или коллективный).

6) С учетом разнообразия приемов и методов реализации управленческой компетенции метод управления представляет собой определенную возможность для решения управленческих задач, стоящих перед субъектами исполнительной власти.

7) Государственный (общественный) интерес, управляющая воля государства находит свое вы-

ражение в методах управления в соответствующем объеме.

8) Метод управления всегда выражает полномочия юридически авторитетного характера, принадлежащие государству и его исполнительному аппарату.

9) Для методов управления характерна юридическая форма их прямого практического выражения. Они получают наиболее осязаемое проявление в правовых актах правительств.

10) Выбор конкретных методов контроля действий напрямую зависит не только от особенностей организационно-правового статуса субъектов исполнительной власти, но прежде всего от особенностей объекта управления (например, от формы права собственности, на индивидуальный или коллективный характер и тому подобное).

Средства реализации задач и функций управления, используемые государством, очень разнообразны. Это дает основания для их классификации. С общетеоретической точки зрения действие универсальных методов любой деятельности - убеждение и принуждение. Эти универсальные методы представляют собой два взаимосвязанных, взаимодополняющих «полюса» одного целого, то есть правильного поведения и верховенства закона.

Особый подход к проблемам классификации видов административно-правовых методов основан прежде всего на содержании их контрольных действий. Из множества вариантов классификации, как правило, наиболее распространенным является выбор двух групп методов, а именно административного и экономического. Приоритет, отданный этим вариантам, порождает множество противоречивых суждений, различных толкований, и поэтому проблема методов управления требует подробного освещения.

Административные методы обычно квалифицируются как методы или средства не экономического или прямого контроля субъектов государственной и административной деятельности на соответствующих объектах управления, независимо от конкретной области общественной жизни. Они находят свое выражение в выполнении субъектом управления таких управленческих действий, содержание которых указывает на полномочия по обеспечению надлежащего поведения контролируемых объектов. Характер их прямого воздействия означает, что субъект управления в рамках существующей компетенции принимает управленческое решение (правовой акт управления), которое является юридически обязательным для объекта управления.

Таким образом, сущность методов административно-правового регулирования управленческих общественных отношений можно суммировать следующим образом: административно-правовая норма предусматривает установление определенного порядка поведения в соответствующих условиях и надлежащим образом; запрет на совершение определенных действий в случае, если субъект нарушает определенные предписания, тогда

¹⁴ См.: Овсянко Д.М. Административное право. – М., 2015. С. 22.

¹⁵ См.: Попов Л.Л. Административное право. – М., 2016. С. 17.

¹⁶ См.: Козлов Ю.М. Административное право. – М., 2015. С. 27.

¹⁷ См.: Стариков Ю.Н. Курс общего административного права. – М., 2014. С. 227.

возникает дисциплинарная или административная ответственность; Административное право предусматривает возможность выбора одного из вариантов правильного поведения. Этот метод направлен на регулирование поведения чиновников, и они не имеют права уклоняться от такого выбора; предоставление возможности действовать (или не действовать) по своему усмотрению, то есть совершать или не совершать действия, предусмотренные административным законодательством, в определенных им условиях. Как правило, это имеет место при реализации субъективных прав.

Литература

1. Атаманчук Г. В. Государственное управление (организационно-функциональные вопросы). – М., 2015.
2. Атаманчук Г. В. Государственное управление: проблемы методологии правового исследования. – М., 2014.
3. Козлов Ю. М. Административное право. – М., 2015.
4. Овсянко Д. М. Административное право. – М., 2015.
5. Попов Л. Л. Административное право. – М., 2016.
6. Старилов Ю. Н. Административное право. – Воронеж, 2016
7. Солдатов А. П., Мельников В. А. Административное право Российской Федерации. – М., 2017.

Public administration issues: administrative and legal aspect Sokolova A.O.

RTU MIREA

The article examines the main types of administrative and legal methods of public administration, and also describes various points of view regarding this category, on the basis of which it is concluded that public administration is very diverse, then the qualitative aspect of the management activities of the methods of administrative and legal regulation is determined. It also highlights the characteristic features of administrative methods of state regulation, arising from the essence of public administration and the subject of administrative law.

Key words: public administration, method, state, control, means, administrative and legal methods, methods of administrative and legal regulation.

References

1. Atamanchuk GV Public administration (organizational and functional issues). - M., 2015.
2. Atamanchuk GV Public administration: problems of legal research methodology. - M., 2014.
3. Kozlov Yu. M. Administrative law. - M., 2015.
4. Ovsyanko D. M. Administrative law. - M., 2015.
5. Popov L. L. Administrative law. - M., 2016.
6. Starilov Yu. N. Administrative law. - Voronezh, 2016
7. Soldatov A. P., Melnikov V. A. Administrative law of the Russian Federation. - M., 2017.

ИССЛЕДОВАНИЕ КОРРУПЦИИ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПРИНЦИПОВ КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЫ

Алехина Ольга Владимировна
заместитель директора ГБОУ «Школа № 1018»

Коррупционные действия в сфере государственных закупок обусловлены, во-первых, стремлением предпринимателей к максимальной прибыли, во-вторых, стремлением специалистов в сфере закупок, не имеющих должного уровня доходов, имеющих при этом высокую ответственность и большой объем работы, получать материальные блага незаконным путем от контрагентов. Таким образом, выяснив глубинные и наиболее существенные причины коррупции в сфере государственных и муниципальных закупок, можно внести авторское предложение в качестве управленческих методов для решению вышеуказанных проблем. С действиями исполнителей в данном случае необходимо бороться повышением ответственности за вступление в сговор, противоправные действия заказчиков можно минимизировать посредством повышения уровня их доходов, повышения социальной значимости их рабочих обязанностей.

Ключевые слова: коррупция, государственные закупки, контрактная система

Поскольку сущность государственных закупок заключается в их принципах, декларируемых Законом о контрактной системе, то наиболее целесообразно рассмотреть примеры коррупции в сфере государственных закупок именно с позиций некоторых из данных принципов для разработки и предложения соответствующих авторских предложений – управленческих решений проблемы коррупции.

Так, Законом № 44-ФЗ декларируются принципы контрактной системы:

1. открытости, прозрачности информации о контрактной системе в сфере закупок;
2. обеспечения конкуренции;
3. профессионализма заказчиков;
4. стимулирования инноваций;
5. единства контрактной системы в сфере закупок;
6. ответственности за результативность обеспечения государственных и муниципальных нужд, эффективности осуществления закупок.¹⁸

Принципом прозрачности и открытости информации о государственных и муниципальных закупках предполагается, что любая информация о закупках, не являющаяся государственной тайной, должна быть открыта для широкой общественности без взимания платы за ознакомление с ней. Кроме того, информация должна быть понятной, размещенной в удобном для ознакомления виде, быть непротиворечивой и содержать в себе все необходимые данные. При рассмотрении коррупции с точки зрения данного принципа видно, что на практике он нарушается повсеместно. Коррупционное поведение заказчиков и участников закупок выражается в данном случае в том, что они, вступая в сговор и преследуя частные корыстные интересы, пользуются несовершенством нормативной правовой базы, регламентирующей проведение торгов. Это выражается в намеренном искажении наименований объектов закупок, когда, например, при закупке бензина покупают якобы «прозрачную жидкость», и, соответственно, прочие потенциальные участники закупок не могут найти данную закупку в единой информационной системе, и контракт заключается с единственным по-

¹⁸ Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ – Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (дата обращения: 20.04.2020).

ставщиком по существенно завышенной цене.¹⁹ То же самое происходит при закупке, например, бытовой техники, когда вместо общепринятого наименования объекта закупки указываются несущественные ее свойства, так, чайник могут описать как «цилиндр металлический с отверстием и электрическим шнуром» или аналогично.

Также данный принцип может нарушаться при закупке строительных работ, когда заинтересованные сотрудники заказчиков размещают неполную либо противоречивую информацию о своих потребностях, делая это посредством выгрузки в единую информационную систему множество несвязанных между собой файлов, что существенным образом затрудняет мероприятия потенциальных участников закупок по оценке объема работ и своих возможностей по их выполнению, зачастую вынуждая их отказываться от участия в торгах.

Таким образом, заказчики, нарушая принцип открытости и прозрачности информации, вступая в незаконные связи с недобросовестными поставщиками, ради личной выгоды пренебрегают общественными интересами.

Также коррупционное поведение, как заказчиков, так и недобросовестных участников закупок выражается в нарушении принципа конкуренции. Данный принцип также нарушается и при осуществлении действий, указанных выше, в анализе нарушения принципа открытости и прозрачности информации, поскольку при таких злоупотреблениях со стороны заказчиков ни о какой добросовестной конкуренции речи быть не может. Кроме этого, принцип конкуренции в сфере государственных закупок нарушается посредством создания для участника закупки, с которым заказчик вступил в сговор, созданием преимущественных условий для вышеуказанного участника. Так, например, заказчик может установить такие условия исполнения заказа, которые в указанный в документации о торгах срок, может выполнить только тот участник, который материально заинтересовал заказчика. В таком случае материалы и товары для исполнения обязательств по контракту данным участником уже заблаговременно заготовлены, прочие же потенциальные участники закупки не рискуют подавать заявки на участие, поскольку срок исполнения обязательств чрезвычайно мал и они попросту не успеют выполнить договорные обязательства. Таким образом, контракт заключается с единственным поставщиком – тем участником, с которым заказчик вступил в сговор.²⁰

Далее следует осветить коррупцию в сфере государственных закупок с точки зрения принципа профессионализма, декларируемого статьей 9 Закона №44-ФЗ. В данном случае следует полагать, что оппортунистическое поведение главным обра-

зом присутствует со стороны участников закупок. Это выражается в том, что зачастую сотрудники заказчиков, не имея должного профессионального уровня, не в состоянии адекватно описать планируемые к приобретению объекты закупок, вследствие чего недобросовестные исполнители пользуются данными недоработками и исполняют заказ некачественно.²¹ В большей степени такие оппортунистические действия исполнителей имеют место быть при закупках технических либо технологически сложных объектов, поскольку работники заказчиков чаще всего затрудняются именно с описанием такого рода работ, товаров либо услуг. В таких случаях зачастую поставляются более дешевые и менее качественные и функциональные товары вместо тех, в которых нуждается заказчик, работы выполняются с использованием более дешевых и недолговечных материалов и т. д.²²

Далее следует подробно остановиться на принципе ответственности за результативность обеспечения государственных и муниципальных нужд и эффективности осуществления закупок контрактной системы.

Как уже указано, оппортунистическое поведение как участников закупок, так и контрагентов государственных учреждений и органов власти, выражается в том, что по предварительному сговору закупаются дешевые и менее качественные объекты по завышенным ценам, а кроме того, пользуясь низким уровнем профессионализма сотрудников заказчиков, исполнители оказывают услуги, производят работы и поставляют товары, стоимость которых существенно ниже договорной и качество не соответствует цене. А если исходить из принципа эффективности бюджетных расходов, указанного в статье 34 БК РФ, содержащего в себе две составляющих – это экономность, то есть минимальные расходы, и результативность, подразумевающую собой получение наилучшего результата, полученного в рамках определенных лимитов бюджетных финансовых ресурсов, то налицо полное противоречие оппортунистического поведения сторон государственных закупок данному принципу.²³ За существенно завышенную цену приобретаются не соответствующие данной цене объекты закупок, вследствие чего государственные и муниципальные нужды нужным образом не удовлетворяются, а поскольку качество данных объектов закупок ненадлежащее, то вследствие их

²¹ Маковлева Екатерина Евгеньевна Инструменты и методы противодействия недобросовестному исполнению государственного контракта // Экономическая политика. 2018. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/instrumenty-i-metody-protivodeystviya-nedobrosovestnomu-ispolneniyu-gosudarstvennogo-kontrakta> (дата обращения: 20.04.2020).

²² Еремушкин А. А. Меры повышения качества товаров, закупаемых в рамках Федеральной контрактной системы государственного заказа // Вестник ЧелГУ. 2015. №1 (356). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/meryi-povysheniya-kachestva-tovarov-zakupayemyh-v-ramkah-federalnoy-kontraktnoy-sistemy-gosudarstvennogo-zakaza> (дата обращения: 20.04.2020).

²³ «Бюджетный кодекс Российской Федерации» от 31.07.1998 № 145-ФЗ – Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (дата обращения: 20.04.2020).

¹⁹ Лобанова О.Л. Особенности закупки бензина в условиях контрактной системы // Советник бухгалтера. 16.07.2018. URL: <https://www.referent.ru/40/11989> (дата обращения: 20.04.2020).

²⁰ Лобанова, О.Л. Дробление закупок: чего стоит опасаться заказчикам? / О.Л. Лобанова // Советник бухгалтера бюджетной сферы. – 2018. – № 11 (191)

быстрого износа и потери необходимых эксплуатационных качеств требуются новые закупки, и, следовательно, новые расходы. Таким образом, принцип эффективности закупок нарушается вдвойне – и из-за изначально неэффективных закупок, и из-за последующих дополнительных расходов либо на ремонт, либо на приобретение новых объектов.

Причины коррупционных действий в поведении сторон государственных закупок

Далее необходимо рассмотреть причины, по которым в отношениях сторон государственных закупок имеет быть оппортунизм. Правоотношения между участниками закупок, и впоследствии, контрагентами государственных и муниципальных заказчиков, а также между самими заказчиками имеют всегда как минимум две стороны – получатель общественных благ, причем эти блага должны получаться не для себя лично, а для удовлетворения государственных либо муниципальных нужд, и, собственно сторона – исполнитель.

Мотивы поведения исполнителей вполне понятны, поскольку целью создания любого коммерческого предприятия является получение прибыли для собственников либо акционеров, несмотря на любые прочие мотивы, декларируемые в миссиях данных хозяйствующих субъектов. И стремление получить максимальную прибыль при минимальных временных и материальных затратах любыми путями, пусть и нарушая нормы права, не преодолеть никак, кроме ужесточения наказания для таких предпринимателей.

Мотивами же коррупционных действий, не считая непрофессионализма, является также личное обогащение. Но в данном случае эти мотивы имеют несколько иную природу.

Учитывая все данные факторы, несложно понять, что сотрудники, отвечающие за осуществление закупок, имеющие колоссальную нагрузку и ответственность, но при этом не получающие должного вознаграждения за свой труд, проявляют оппортунизм, получая незаконное вознаграждение не столько из-за субъективных качеств, присущих им, сколько из-за объективно плохого материального положения, несправедливого отношения по отношению к себе в плане недооценки значимости выполняемой ими работы. Следовательно, при изменении отношения руководства учреждений-заказчиков и, вследствие этого, роста доходов специалистов по закупкам, следует и ждать изменения отношения ими к своим должностным обязанностям. Простое же ужесточение наказаний в отношении данных сотрудников с учетом и без того высокой ответственности не даст ровным счетом ничего, кроме оттока специалистов из данной сферы, вследствие этого – кадровый голод и возможный сбой работы системы государственных закупок из-за отсутствия необходимого количества сотрудников.

Выводы

Коррупционные действия в сфере государственных закупок обусловлены, во-первых, стремлением предпринимателей к максимальной при-

были, во-вторых, стремлением специалистов в сфере закупок, не имеющих должного уровня доходов, имеющих при этом высокую ответственность и большой объем работы, получать материальные блага незаконным путем от контрагентов. Таким образом, выяснив глубинные и наиболее существенные причины коррупции в сфере государственных и муниципальных закупок, можно внести авторское предложение в качестве управленческих методов для решению вышеуказанных проблем. С действиями исполнителей в данном случае необходимо бороться повышением ответственности за вступление в сговор, противоправные действия заказчиков можно минимизировать посредством повышения уровня их доходов, повышения социальной значимости их рабочих обязанностей.

Литература

1. «Бюджетный кодекс Российской Федерации» от 31.07.1998 № 145-ФЗ – Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (дата обращения: 20.04.2020).
2. Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ – Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (дата обращения: 20.04.2020).
3. Еремушкин А. А. Меры повышения качества товаров,купаемых в рамках Федеральной контрактной системы государственного заказа // Вестник ЧелГУ. 2015. №1 (356). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mery-povysheniya-kachestva-tovarov-zakupayemyh-v-ramkah-federalnoy-kontraktnoy-sistemy-gosudarstvennogo-zakaza> (дата обращения: 20.04.2020).
4. Лобанова О.Л. Особенности закупки бензина в условиях контрактной системы // Советник бухгалтера. 16.07.2018. URL: <https://www.referent.ru/40/11989> (дата обращения: 20.04.2020).
5. Лобанова, О.Л. Дробление закупок: чего стоит опасаться заказчиком? / О.Л. Лобанова // Советник бухгалтера бюджетной сферы. – 2018. – № 11 (191)
6. Маковлева Екатерина Евгеньевна Инструменты и методы противодействия недобросовестному исполнению государственного контракта // Экономическая политика. 2018. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/instrumenty-i-metody-protivodeystviya-nedobrosovestnomu-ispolneniyu-gosudarstvennogo-kontrakta> (дата обращения: 20.04.2020).

Research of corruption in public procurement through the prism of the principles of the contract system

Alekhina O.V.

GBOU "School No. 1018"

Corrupt actions in the field of public procurement are caused, firstly, by the desire of entrepreneurs to maximize profits, and secondly, by the desire of specialists in the field of procurement, who do not have an adequate level of income, who have high responsibility and a large amount of work, to obtain material benefits illegally from contractors. Thus, having

clarified the deep and most significant causes of corruption in the field of state and municipal procurement, it is possible to make an author's proposal as management methods to solve the above problems. In this case, it is necessary to fight against the actions of performers by increasing responsibility for entering into a conspiracy; illegal actions of customers can be minimized by increasing their level of income, increasing the social significance of their work duties.

Keywords: corruption, public procurement, contract system

References

1. "Budget Code of the Russian Federation" dated July 31, 1998 No. 145-FZ - Access mode: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (date of access: 20.04.2020).
2. Federal Law "On the contract system in the procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs" dated 05.04.2013 No. 44-FZ - Access mode: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (date of access: 20.04.2020).
3. Eremushkin A. A. Measures to improve the quality of goods purchased under the Federal Contract System of State Order // Bulletin of ChelGU. 2015. No. 1 (356). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mery-povysheniya-kachestva-tovarov-zakupaemyh-v-ramkah-federalnoy-kontraktnoy-sistemy-gosudarstvennogo-zakaza> (date of access: 20.04.2020).
4. Lobanova OL Features of the purchase of gasoline in the conditions of the contract system // Advisor to the accountant. 07/16/2018. URL: <https://www.referent.ru/40/11989> (date of access: 20.04.2020).
5. Lobanova, O. L. Split procurement: what should customers be afraid of? / O.L. Lobanova // Advisor to the budgetary accountant. - 2018. - No. 11 (191)
6. Makovleva Ekaterina Evgenievna Tools and methods of counteracting unfair execution of the state contract // Economic policy. 2018. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/instrumenty-i-metody-protivodeystviya-nedobrosovestnomu-ispolneniyu-gosudarstvennogo-kontrakta> (date accessed: 04/20/2020).

УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В СФЕРЕ ЗАКУПОК

Александрова Анастасия Александровна, магистрант кафедры управления государственными и муниципальными закупками, ГАОУ ВО «Московский городской университет управления Правительства Москвы им. Ю.М. Лужкова», ugmz@mag.yandex.ru

К задачам противодействия коррупции можно отнести пресечение нарушений в сфере закупок должностными лицами, а также обеспечение качества удовлетворения потребностей государственных и муниципальных заказчиков. К целям противодействия коррупции необходимо отнести соблюдение прав и свобод человека, открытость деятельности государственных и муниципальных учреждений, неизбежность ответственности за правонарушения, эффективное функционирование государственных и муниципальных заказчиков.

Очевидно, что коррупция в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд – «лакмусовая бумажка» общества, его острая социальная проблема, негативно влияющая на экономическую ситуацию в стране. Коррупционные действия расходятся с интересами государства и направлены на хищение бюджетных средств одновременно с извлечением личной выгоды соответствующим должностным лицом.

Ключевые слова: коррупция, противодействие, управленческие инструменты

К задачам противодействия коррупции можно отнести пресечение нарушений в сфере закупок должностными лицами, а также обеспечение качества удовлетворения потребностей государственных и муниципальных заказчиков. К целям противодействия коррупции необходимо отнести соблюдение прав и свобод человека, открытость деятельности государственных и муниципальных учреждений, неизбежность ответственности за правонарушения, эффективное функционирование государственных и муниципальных заказчиков.

Очевидно, что коррупция в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд – «лакмусовая бумажка» общества, его острая социальная проблема, негативно влияющая на экономическую ситуацию в стране. Коррупционные действия расходятся с интересами государства и направлены на хищение бюджетных средств одновременно с извлечением личной выгоды соответствующим должностным лицом.

В сфере государственных закупок особенностью коррупционных действий является то, что они:

- совершаются госслужащими, как правило, наделенными широкими полномочиями, благодаря служебному положению;

- направлены на получение личной выгоды должностным лицом и выполняются должностным лицом умышленно;

- нарушают законные интересы государства;

Противодействие коррупции в сфере закупок – комплекс мер, направленных на предотвращение нарушений в сфере закупок, связанных с получением личной выгоды за счет государства.

Москва является крупнейшим заказчиком России. В 2018 году город заключил контракты на товары, работы и услуги на сумму 2,06 трлн. руб., а в 2019 году эта цифра уже составляла 2,36 трлн. руб. Экономия в 2018 году составила 4,86 %, в 2019 году – 5,15 % [1]. Нетрудно подчитать, что в денежном эквиваленте это около 92 млрд. руб. сэкономленных средств в год, что при таких объемах составляет примерно 5% бюджета всего города, которые город может перенаправить на развитие социально значимых проектов [2]. Именно поэтому в последнее время городские власти пристально отслеживают соблюдение законодательства всеми участниками закупочного процесса, развивают честную конкуренцию и прилагают ещё больше усилий для создания у граждан негативно-го образа коррупции.

Как правило выделяют три основные причины нарушений, которые влияют на конкуренцию:

- это продвижение интересов родственных заказчику компаний
- это недобросовестная конкуренция, когда поставщики демпингуют, «сносят» закупки и закупают их необоснованными жалобами;
- это картельные сговоры поставщиков, которые заранее «делят» рынок.

В настоящее время сформировалась тенденция к ужесточению антикартельного законодательства. Проекты изменений в Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» и Уголовный кодекс Российской Федерации были приняты и в соответствии с ними лица, нарушившие антикартельное законодательство, несут уголовную ответственность, которая предусматривает меры от штрафа в размере 300 тыс. рублей до лишения свободы сроком до семи лет [3].

Однако, когда нарушение уже совершено, зачастую бывает так, что ущерб от его последствий трудно компенсировать. Осознание неотвратимости наказания является сдерживающим фактором, но лучшим средством, как известно, является профилактика нарушений, к которой в первую очередь относится контроль.

В целях соблюдения базовых принципов открытости и эффективности, заложенных регуляторами в законодательство о закупках, большое внимание уделяется автоматизированным средствам осуществления контроля, позволяющим существенно расширить охват контролируемой информации за счет снижения нагрузки на ревизоров, непосредственно осуществляющих контроль. В свою очередь такой автоматический контроль работает на повышение доверия граждан и бизнеса к сектору государственных закупок, на повышение их прозрачности, а также позволяет наращивать объем методической и организационной поддержки системы закупок.

Среди управленческих инструментов противодействия коррупции в сфере закупок необходимо выделить следующие:

Автоматизация закупок и стандартизация закупок, когда с помощью цифровых механизмов формируется типовая документация, лишённая многих потенциальных проблем ограничения конкуренции. Конкуренция в таких закупках составляет примерно 6-8 заявок, что почти на треть больше по сравнению с не стандартизированными процедурами. Фактически это создание особых условий, при которых невозможно будет совершить нарушение, что главным образом обеспечивает прозрачность закупок,

Сплошной автоматизированный риск-мониторинг деятельности государственных заказчиков и предприятий, когда данные о закупках на всех стадиях их существования обобщаются и анализируются специальной аналитической системой на предмет отклонений от нормы (аномалий). Такие аномалии тщательно анализируются ревизорами Главного контрольного управления города Москвы и модернизируются в постоянном режиме [4].

Профилактика коррупционных нарушений.

Проведение разъяснительных и консультационных мероприятий для заказчиков, связанных с разбором ошибок, недостатков при проведении закупок, нахождение совместно с заказчиком путей решения задачи – прозрачной контрактации без нарушений [5].

Представление сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера. Согласно ст.8 Федерального закона от 25.12.2008 N 273-ФЗ "О противодействии коррупции" граждане, претендующие на замещение должностей государственной службы (и др.) обязаны представлять представителю нанимателя (работодателю) сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супругов (супруга) и несовершеннолетних детей [6].

Запрет на счет в иностранных государствах.

Согласно ст.2 Федерального закона от 07.05.2013 № 79-ФЗ «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами» лицам, замещающим (занимающим) государственные должности Российской Федерации (и др.) запрещается открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами [7].

За счет объединения цифровых технологий и увеличения объема коммуникаций между подконтрольными субъектами и контролирующим органом за последнее время число нарушений, приводящих к ущербу городскому бюджету, фактически свелось к нулю.

Главные инструменты в области контроля города Москвы – это городская автоматизированная электронная система закупок (далее – ЕАИСТ) [8] и специальная аналитическая система контрольной деятельности АСКД [9]. Благодаря ЕАИСТ город может:

- Исключить злоупотребления заказчиком права осуществления закупок у единственного поставщика (например, блокировка на превышение предельной цены закупки по п.4,5 ч.1 ст.93, блокировка проведения закупок по предметам требующим конкурентной процедуры, автоматическое уведомление контрольного органа при заключении «аварийного» контрактов по п.9 ч.1 ст.93);
- Исключить излишние требования к поставщику и «заточки» под «своего» поставщика с помощью применения комплектов стандартизированной документации;
- Контролировать объем закупок среди субъектов малого и среднего предпринимательства;
- Повысить заинтересованность поставщиков любого уровня в участии по осуществляемым го-

родским закупкам благодаря таким городским сервисам как «Мосробот» - системы автоматических оповещений, рассылающей приглашения к участию в городских закупках [8].

В свою очередь система АСКД позволяет, контролерам, отслеживать такие вещи, как:

- Возможные сговоры отдельных поставщиков для удерживания цены на высоком уровне;
- Соблюдение сроков проведения закупок в соответствии с законодательством, в том числе возможных сроков сокращения времени подачи заявок на участие в закупках (когда после публикации конкурса в него вносятся изменения и сокращают срок приема заявок с 15 до 10 рабочих дней);
- Соблюдение сроков заключения контрактов;
- Соблюдение сроков дачи разъяснений положений закупочной документации;
- Превышение предельной цены при формировании закупки на лекарственные препараты;
- Возможная аффилированность участников закупок с заказчиками и другими участниками (по завершению процедур).

Таким образом, существует достаточно широкий круг управленческих инструментов противодействия коррупции в сфере закупок. При этом стремительно развивающаяся стандартизация и автоматизация закупок стали хорошим подспорьем для ревизора. В тенденциях современной системы закупок наблюдается смена вектора карательной функции ревизорной системы на предупредительную. Приоритетной целью контрольных органов становится не «наказать», а «пресечь нарушение» и сфера закупок активно движется в этом направлении.

Литература

1. Единая информационная система в сфере закупок [Электронный ресурс]. – URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html> (дата обращения: 08.04.2020).

2. Закон города Москвы от 21 ноября 2018 года N 30 «О бюджете города Москвы на 2019 год и плановый период 2020 и 2021 годов» [Электронный ресурс]. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/551819609> (дата обращения: 08.04.2020).

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/e8e8c98df722e05999230271e054b6a1f6f70f80/ (дата обращения: 08.04.2020).

4. Журнал о финансовом контроле и аудите [Электронный ресурс]. – URL: <http://rufincontrol.ru/article/369120/> (дата обращения: 08.04.2020).

5. Сайт Департамента города Москвы по конкурентной политике [Электронный ресурс]. – URL: <http://mos-tender.com/contract-club> (дата обращения: 08.04.2020).

6. Федеральный закон "О противодействии коррупции" от 25.12.2008 N 273-ФЗ. – [Электронный ресурс]. – URL: –

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (дата обращения: 08.04.2020).

7. Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 79-ФЗ "О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами". – [Электронный ресурс]. – URL: https://fssprus.ru/federalnyjj_zakon_ot_7062013_g_79-fz_o_zaprete_otdelnym_kategorijam_lic_otkryvat_i_imet_scheta/ (дата обращения: 08.04.2020).

8. Сайт Единой автоматизированной информационной системы торгов города Москвы [Электронный ресурс]. – URL: <https://eaist.mos.ru/panel.html> (дата обращения: 22.03.2020).

9. Аналитическая система контрольной деятельности Главного контрольного управления города Москвы [Электронный ресурс]. – URL: <https://askd.knd.mos.ru/Account/Login?ReturnUrl=%2f> (дата обращения: 08.04.2020).

10. Открытая платформа о цифровых технологиях в Москве [Электронный ресурс]. – URL: <https://ict.moscow/services/mosrobot-subscribe/> (дата обращения: 08.04.2020).

Anti-Corruption Management Tools in Procurement Alexandrova A.A.

Moscow City University of Management of the Moscow Government
Yu.M. Luzhkov

The tasks of combating corruption include the suppression of violations in the field of procurement by officials, as well as ensuring the quality of meeting the needs of state and municipal customers. The goals of combating corruption must include the observance of human rights and freedoms, the openness of the activities of state and municipal institutions, the inevitability of responsibility for offenses, the effective functioning of state and municipal customers.

It is obvious that corruption in procurement for state and municipal needs is a "litmus test" of society, its acute social problem, which negatively affects the economic situation in the country. Corrupt actions are at variance with the interests of the state and are aimed at embezzling budgetary funds simultaneously with the extraction of personal benefit by the relevant official.

Key words: corruption, counteraction, management tools

References

1. Unified information system in the field of procurement [Electronic resource]. – URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html> (date of access: 04/08/2020).
2. The law of the city of Moscow of November 21, 2018 N 30 "On the budget of the city of Moscow for 2019 and the planning period 2020 and 2021" [Electronic resource]. - URL: <http://docs.cntd.ru/document/551819609> (date accessed: 04/08/2020).
3. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 N 63-FZ [Electronic resource]. - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/e8e8c98df722e05999230271e054b6a1f6f70f80/ (date accessed: 04/08/2020).
4. Journal of financial control and audit [Electronic resource]. - URL: <http://rufincontrol.ru/article/369120/> (date accessed: 04/08/2020).
5. Site of the Moscow City Department for Competition Policy [Electronic resource]. - URL: <http://mos-tender.com/contract-club> (date accessed: 04/08/2020).
6. Federal Law "On Combating Corruption" dated 25.12.2008 N 273-FZ. - [Electronic resource]. - URL: –

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/
(date accessed: 04/08/2020).

7. Federal Law of May 7, 2013 No. 79-FZ "On the prohibition of certain categories of persons to open and have accounts (deposits), keep cash and valuables in foreign banks located outside the territory of the Russian Federation, own and (or) use foreign financial instruments ". - [Electronic resource]. - URL: https://fssprus.ru/federalnyjj_zakon_ot_7062013_g__79-fz_o_zaprete_otdelnym_kategorijam_lic_otkryvat_i_imet_schet_a/ (date accessed: 04/08/2020).
8. The site of the Unified automated information system of trading in the city of Moscow [Electronic resource]. - URL: <https://eaist.mos.ru/panel.html> (date accessed: 03/22/2020).
9. Analytical system of control activity of the Main control department of the city of Moscow [Electronic resource]. - URL: <https://askd.knd.mos.ru/Account/Login?ReturnUrl=%2f> (date accessed: 04/08/2020).
10. An open platform about digital technologies in Moscow [Electronic resource]. - URL: <https://ict.moscow/services/mosrobot-subscribe/> (date accessed: 04/08/2020).

ЮРИДИЧЕСКОЕ ЛИЦО КАК СУБЪЕКТ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Симакова Диана Евгеньевна

студент Института комплексной безопасности и специального приборостроения РТУ МИРЭА.

Слепухин Юрий Александрович,

старший преподаватель кафедры интеллектуальных прав РТУ МИРЭА.

В статье рассматриваются признаки субъектов права правоотношений, их классификация, характеристика, а также представлены такие понятия, как правосубъектность, правоспособность, дееспособность и деликтоспособность. Изучается разница между различными видами организаций, которые имеют характерные черты, связанные с получением лицензий.

Ключевые слова: организация, субъект правоотношения, правосубъектность, правоспособность, дееспособность, деликтоспособность, компетенция, лицензирование.

В настоящее время вопрос о субъектах административных права имеет значимый характер, так как, являясь участниками административно-правовых отношений, они осуществляют ряд функции исполнительной власти, в частности распорядительные, контрольно-надзорные полномочия в области государственного управления, местного самоуправления. Современное административное право является составной частью права, поэтому субъектный состав сложен и подвергается изменениям в связи с тенденциями, происходящими в обществе, в том числе и в законодательстве. Перед тем, как начать анализ существующих организаций, стоит рассмотреть субъекты административного права и правоотношений в целом.

Понятия «субъекты права» и «субъекты правоотношений» часто используются как тождественные, хотя здесь имеются некоторые оговорки. Следует отметить, что разница между ними в том, что субъект права – это потенциальный, а субъект правоотношений – реальный участник правовых связей.

Правовое отношение — это общественное отношение, урегулированное нормой (или нормами) права, участники которого наделены субъективными правами и юридическими обязанностями, реализация которых обеспечена государственной поддержкой.²⁴

Как сложное правовое явление правоотношение структурно включает в себя:

- Субъекты (участников) правоотношения;
- Объекты правоотношения;
- Содержание правоотношения (субъективные права и юридические обязанности).

Субъектом административного права признается лицо или организация, которые в соответствии с действующим законодательством РФ могут быть участниками (сторонами) регулируемых административным правом управленческих отношений. Круг их многообразен и объединяет их обладание особым юридическим качеством (административной правоспособностью).

Субъектами административного права могут стать субъектами административных правоотношений, если они имеют следующие параметры:

- Административно-правовые формы, предусматривающие права и обязанности субъекта;
- Административная правоспособность, дееспособность;

²⁴ Кузнецов А.А., Гудкова Е.В. Особенности субъектов административного права // Вестник современных исследований. 2018. №12.6 (27). С.136

- Основание возникновения, изменения и прекращения правоотношения.²⁵

Таким образом, субъекты правоотношений — это участники правовых отношений, которые имеют определенные субъективные права и несут те или иные юридические обязанности.

Рассмотрим виды субъектов административных правоотношений, которые подразделяются на индивидуальные, коллективные, а также имеют несколько подразделений (рис 1.).²⁶

К индивидуальным субъектам относятся физические лица, участвующие в административных правоотношениях, где определены его дееспособность и правоспособность. Это могут быть граждане, иностранные лица, лица без гражданства, а также должностные лиц.

Коллективные субъекты правоотношений представлены организациями. Организация как субъект правоотношений может быть как государственной, как и негосударственной, при этом государство входит в этот перечень, но имеет статус особой организации.

Виды коллективных субъектов: государственные организации – органы исполнительной власти и их структурные подразделения, предприятия, учреждения и их объединения; негосударственные – общественные объединения, трудовые коллективы, коммерческие структуры и органы местного самоуправления.

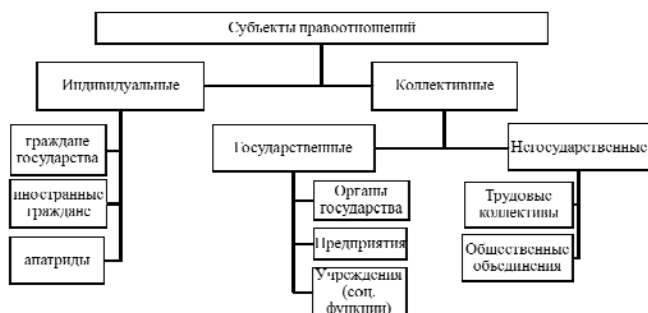


Рисунок 1 – Классификация субъектов административных правоотношений

Под организацией как субъектом административных правоотношений следует понимать внешне организационно и юридически выраженное образование, имеющее внутреннюю структуру, состоящее из одного либо нескольких (многих) индивидуальных субъектов, обладающее возможностью самостоятельно, от своего имени вступать в урегулированные нормами административного права отношения с другими субъектами и являющееся носителем административных прав и обязанностей в этих отношениях.

В гражданско-правовых отношениях юридические лица – это государственные организации²⁷. Что касается негосударственных организаций, то

они могут иметь статус юридического лица, но могут его и не иметь. Они выступают субъектами как частноправовых, так и публично-правовых отношений.

Согласно ст. 48 ГК РФ юридическое лицо – это организация, которая имеет в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленное имущество и отвечает по своим обязательствам этим имуществом, может от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права, нести обязанности, быть истцом и ответчиком в суде.

Юридическое лицо должно иметь самостоятельный баланс или смету. Исходя из определения юридического лица, которое дает закон, юридическое лицо обладает следующими признаками:

– Юридическое лицо имеет определенную организационную структуру – подразделения, отделы, цехи и т. д. и возглавляется органом юридического лица. Орган юридического лица – это одно лицо или группа лиц, осуществляющих права и обязанности юридического лица, выступающих от его имени, представляющих юридическое лицо во внешних и внутренних правовых связях;

– Юридическое лицо обладает обособленным имуществом, обеспечивающим ему экономическую самостоятельность и независимость, дает возможность вступать в разные имущественные отношения. Имущество может находиться либо в собственности юридического лица (у негосударственных юридических лиц), либо в хозяйственном ведении (у государственных и муниципальных унитарных предприятий, кроме казенных), либо в оперативном управлении (у казенных предприятий и учреждений);

– Юридическое лицо несет самостоятельную имущественную ответственность по своим обязательствам, закрепленным за ним имуществом (ст. 56 ГК РФ);

– В отличие от граждан правоспособность и дееспособность юридического лица возникает одновременно с момента его государственной регистрации и обозначается единым понятием – правосубъектность. Правосубъектность юридических лиц неодинакова – она зависит от целей деятельности юридического лица, предусмотренных в его учредительных документах.

Правосубъектность представляет собой способность быть субъектом права и включает в себя такие составляющие, как правоспособность, дееспособность, деликтоспособность.

Применительно к государственным и негосударственным организациям, государству в целом правосубъектность находит выражение в их компетенции. Компетенция – это совокупность прав и обязанностей, полномочий организаций и государства, предоставленных для осуществления их функций.

1) Административная правоспособность – это проявление общей правоспособности, то есть установленной и охраняемой государством правовыми нормами возможности данного субъекта

²⁵ Соболева Ю.В. К вопросу о понятии субъекта административного права // Вестник СГЮА. 2015. №4 (105). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-subekta-administrativnogo-prava> (дата обращения: 29.03.2019).

²⁷ Энциклопедия экономиста. URL: <http://www.grandars.ru/>

(гражданина, исполнительного органа и др.) вступать в различного рода правовые отношения.

2) Административная дееспособность – это способность субъекта своими действиями приобретать права и создавать для себя юридические обязанности, реализовывать их в рамках конкретных административно-правовых отношений.

3) Административная деликтоспособность – это способность лица нести юридическую ответственность за совершенное правонарушение (деликт).

Юридическое лицо может иметь гражданские права, соответствующие целям его деятельности, и нести связанные с этой деятельностью обязанности. Негосударственные коммерческие организации могут иметь гражданские права и обязанности, необходимые для осуществления любых видов деятельности, не запрещенной законом (ст. 49 ГК).

Для того, чтобы осуществлять определенные виды деятельности, предусмотренные законодательством, следует сначала получить лицензию (разрешение). Лицензией называется особое разрешение на осуществление выбранного вида деятельности при обязательном соблюдении лицензионных правил и условий, которые должны обязательно выполняться. Перечислены критерии определения лицензируемых видов деятельности на территории Российской Федерации. Причем к лицензируемым видам деятельности относят лишь те виды деятельности, осуществление которых может повлечь за собой нанесение ущерба правам, законным интересам, здоровью граждан, обороне и безопасности государства, культурному наследию народов России и регулирование которых не может осуществляться иными методами, кроме как лицензированием. В перечень лицензируемых видов деятельности входят: разработка авиационной техники, ее производство, ремонт, испытания, разработка вооружений, фармацевтическая деятельность и т.п.²⁸

Стоит отметить, что организация в качестве субъекта административных правоотношений должна иметь соответствующий административно-правовой статус. Исследуя административно-правовой статус организации, можно определить, какую роль играет данная организация в системе административных правоотношений, к каким юридическим связям относится, взаимодействуя с другими субъектами указанных отношений.

Содержание административно-правового статуса организации необходимо состоять из следующих элементов:

- 1) место организации в административно-публичной сфере;
- 2) сфера, предмет и виды деятельности организации;
- 3) цели создания и деятельности организации;

4) задачи, решаемые организацией в административно публичной сфере;

5) функции, выполняемые организацией в административно-публичной сфере;

6) общие и (или) специальные административные права (полномочия) организации в административно-публичной сфере;

7) ограничения общих и (или) специальных административных прав (полномочий) организации в административно-публичной сфере;

8) общие и (или) специальные административные обязанности организации в административно-публичной сфере;

9) юридическую (административную и иную публично-правовую) общую или специальную ответственность организации за совершенные в административно-публичной сфере правонарушения.

Для чего все-таки возникает правоотношение? Видимо, для того, чтобы реализовать определенный замысел, создать проект, конструктивную сборку из имеющихся юридических средств, в целях обозначения возможного поведения субъектов, т. е. описать юридический акт: статут, договор, приказ и их модификации. В этом плане было допущено утверждение, что никакого реального объекта в правоотношении ещё нет, так как в результате соотнесения интересов участников юридической связи он лишь формируется, каким он будет, можно только предполагать, исходя из того, какие интересы выражают субъекты и какие цели они преследуют.²⁹

Таким образом, рассмотрев все признаки юридического лица, можно сделать вывод о том, что организация – это разносторонний субъект, обладающий своими «минусами» и «плюсами». Обладая определенной информацией об организации, например из ее учредительных документов, которые должны быть представлены по требованию гражданина или должностного лица, можно соотнести данную информацию с приведенными выше признаками и определить вид данной структуры и выявить всевозможные имеющиеся правоотношения.

Литература

1. Гражданский Кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301
2. Федеральный закон «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 04.05.2011 № 99-ФЗ (последняя редакция) // СПС КонсультантПлюс
3. Кузнецов А.А., Гудкова Е.В. Особенности субъектов административного права // Вестник современных исследований. 2018. №12.6 (27). С.136-137

²⁹ Осинцев Д.В. К вопросу об административных правоотношениях: традиция и современный взгляд // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2017. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-administrativnyh-pravootnosheniyah-traditsiya-i-sovremennyy-vzglyad> (дата обращения: 29.03.2019). С. 6

²⁸ Федеральный закон «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 04.05.2011 № 99-ФЗ (последняя редакция) // СПС КонсультантПлюс

4. Малумов Г. Административное право // учебное пособие. М.: Юстицинформ. 2011. 630 с.

5. Осинцев Д.В. К вопросу об административных правоотношениях: традиция и современный взгляд // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2017. №1. С. 2-7 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-administrativnyh-pravootnosheniyah-traditsiya-i-sovremennyy-vzglyad> (дата обращения: 29.03.2019).

6. Соболева Ю.В. К вопросу о понятии субъекта административного права // Вестник СГЮА. 2015. №4 (105). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-subekta-administrativnogo-prava> (дата обращения: 29.03.2019).

7. Энциклопедия экономиста. URL: <http://www.grandars.ru/>

8. Электронная библиотека. URL: <http://www.bibliotekar.ru/>

Legal entity as a subject of legal relations

Simakova D.E., Slepukhin Yu.A.

RTU MIREA

The article examines the signs of subjects of the law of legal relations, their classification, characteristics, and also presents such concepts as legal personality, legal capacity, legal capacity and delinquency. It examines the difference between different types of organizations, which have characteristics associated with obtaining licenses.

Key words: organization, subject of legal relations, legal personality, legal capacity, legal capacity, delinquency, competence, licensing.

References

1. Civil Code of the Russian Federation. Part one: Federal Law of 30.11.1994 No. 51-FZ // *Sobr. legislation of the Russian Federation*. 1994. No. 32. Art. 3301
2. Federal Law "On Licensing Certain Types of Activities" dated 04.05.2011 No. 99-FZ (last edition) // ATP ConsultantPlus
3. Kuznetsov A.A., Gudkova E.V. Features of subjects of administrative law // *Bulletin of modern research*. 2018. No. 12.6 (27). Pp. 136-137
4. Malumov G. Administrative law // *tutorial*. М.: Justicinform. 2011.630 s.
5. Osintsev D.V. On the issue of administrative legal relations: tradition and modern view // *Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2017. No. 1. Pp. 2-7 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-administrativnyh-pravootnosheniyah-traditsiya-i-sovremennyy-vzglyad> (date of access: 29.03.2019).
6. Soboleva Yu.V. On the question of the concept of the subject of administrative law // *Bulletin of the SSLA*. 2015. No. 4 (105). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-subekta-administrativnogo-prava> (date of access: 03/29/2019).
7. Encyclopedia of the Economist. URL: <http://www.grandars.ru/>
8. Electronic library. URL: <http://www.bibliotekar.ru/>

РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОСОБЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗОНАХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Радкевич Кристина Дмитриевна

студентка Института комплексной безопасности и специального приборостроения РТУ МИРЭА

В данной статье рассматриваются цели создания и задачи особых экономических зон. Дается определение и виды особых экономических зон, так же рассматриваются цели их создания. Особые экономические зоны являются эффективными и перспективными формами развития международных отношений, экономического и научного потенциала страны. Создание особых экономических зон – эффективное и перспективное направление развития экономики отдельных территорий и регионов, которые ориентированы на формирование предпринимательского потенциала, внедрения новейших технологий и выпуска товаров, конкурентоспособных на мировых рынках.

Ключевые слова: особая экономическая зона, предпринимательская деятельность, правовое регулирование.

Начиная с конца XX века в России начали происходить кардинальные изменения: произошел переход от централизованного планирования к рыночной экономике. Структурная перестройка экономики страны оказала значительное воздействие на развитие отдельных регионов страны, что привело к преобразованию характера взаимодействия между регионами и федеральным Центром. Важно отметить, что Российская инвестиционная политика до конца не сформирована, вследствие чего развитие регионов в области экономики отстает от развитых мегаполисов, что сказывается на уровне жизни населения регионов. Жители стараются покинуть свои регионы и переезжать в более крупные города, что сказывается на миграционной политике государства.

В современном мире для любого государства является эффективным использование различных инструментов для развития внутренней экономики и предпринимательской деятельности. Одно из основных направлений по развитию предпринимательской деятельности является создание особых экономических зон. Особая экономическая зона (ОЭЗ) – это территория, обладающая особым юридическим статусом, на которой осуществляют льготные экономические условия на осуществление деятельности для российских или иностранных предпринимателей.

Создание особых экономических зон - это такой механизм, благодаря которому государство использует увеличение роста экономики и развития основных отраслей экономики.

Основными целями создания особых экономических зон на территории Российской Федерации являются:

- развитие производства путем привлечения отечественных и иностранных инвестиций;
- стимулирование развития наукоёмких производств;
- введение новых технологий и выпуск конкурентоспособных товаров на мировой рынок.

В Российской Федерации действует всего 25 особых экономических зон, из них:

- 9 промышленно-производственных (создаются на участках территории, имеющие общую границу и составляющие площадь не более 20 кв. км.). Промышленно-производственная деятельность это производство или же переработка определенной продукции/товаров и их реализация. Представитель промышленно-производственной особой экономической зоны имеет право осу-

ществлять деятельность, которая предусмотрена соглашением об осуществлении промышленно-производственной деятельности

– 6 технико-внедренческих (создаются максимум на трех участках территории, общая площадь должна составлять не более 4 кв. км.). Технико-внедренческая деятельность, иначе говоря, это инновационная деятельность, создание, производство и осуществление научно-технической продукции. Представитель технико-внедренческой особой экономической зоны имеет право осуществлять деятельность, которая предусмотрена соглашением об осуществлении технико-внедренческой деятельности. Согласно решению экспертного совета производится научно-техническая продукция в особых экономических зонах. Совет руководствуется приоритетными направлениями развития науки, утвержденными Правительством РФ;

– 9 туристско-рекреационных зоны (создаются на одном или нескольких участках территории, определяемых Правительством Российской Федерации). В соглашении об осуществлении туристско-рекреационной деятельности указаны пределы, в которых можно осуществлять данную деятельность.

– 1 портовая зона.

Законодательством установлен определенный срок действия особых экономических зон, который составляет 49 лет. За этот срок особая экономическая зона обязана окупить денежные средства, вложенные в нее и принести значительный доход государству.

Правовое регулирование деятельности особых экономических зон в Российской Федерации регулируется двумя федеральными законами. Федеральный закон от 22.07.05 № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» разработан специалистами Минэкономразвития РФ и Администрации Президента Российской Федерации. Федеральный закон регулирует вопросы создания и прекращения действия особых экономических зон, правового положения инвесторов (резидентов) особой экономической зоны, государственного регулирования и контроля на территории особой экономической зоны; государственных гарантий резидентам особых экономических зон.

Федеральный закон от 22 июля 2005 года № 117-ФЗ «О внесении изменений в некоторые законодательные акты в связи с принятием Федерального закона «Об особых экономических зонах в Российской Федерации». Данный закон вступил в силу 1 января 2006 года и внес определенные изменения, которые касаются особого режима предпринимательства на территории особой экономической зоны. Закон касается Налогового кодекса (налоговые льготы и порядок налогообложения резидентов), Таможенного кодекса (изменения в особенностях режима свободной таможенной зоны), Земельного кодекса (права арендатора земельного участка на территории экономических

зон) и Градостроительного кодекса (порядок согласования и выделения земельных участках).

Административно-правовое регулирование предпринимательской деятельности в особых экономических зонах присутствует во всех странах мира. В зависимости от сложившихся исторических традиций страны и обстоятельств формирования экономики формы и методы воздействия государства на экономику и субъектов предпринимательства имеют разный характер³⁰.

В настоящее время в особых экономических зонах существует существенная необходимость административно-правового регулирования предпринимательской деятельности. Также надо отметить, что необходима гармонизация национального законодательства, которая определяет режим предпринимательской деятельности в особых экономических зонах и норм международного права, регламентирующих общественные отношения в особых экономических зонах.

Анализируя мнения в отношении правового регулирования предпринимательской деятельности, нельзя не заметить, что существуют противники, указывающие на то, что этим создается благоприятные условия для коррупции и вымогательства взяток вышестоящим лицам. Нельзя не согласиться, что проблема коррупции и вымогательства набирает обороты, но отказ от выполнения необходимых государственных функций (контроль, лицензирование, техническое регулирование и др.) не является решением данных проблем³¹.

Административно-правовое регулирование ограничивает самостоятельность субъектов предпринимательской деятельности. Ограничения действуют в определенных случаях, в частности в интересах общества (к примеру, при сертификации продукции, валютном, налоговом, таможенном регулировании). Ограничения необходимы для сочетания интересов предпринимателя, отдельно взятой личности, а также всего общества.³²

Также существует ряд случаев, где административно-правовое регулирование расширяет возможности хозяйствующих субъектов, а не ограничивает их. К таким случаям относятся поддержка субъектов малого предпринимательства - малых предприятий и индивидуальных предпринимателей, меры по поддержке агропромышленного комплекса, по защите отечественных товаропроизводителей. В Федеральном законе указывается, что поддержка малого предпринимательства осуществляется по определенным направлениям: со-

³⁰ См.: Лаптева В.В. Современные проблемы предпринимательского (хозяйственного) права //Предпринимательское право в XXI веке: преемственность и развитие. М., 2002. С 21.

¹ См.: Проява С.М. Экономизация коррупции. М., 2005. С. 12; Радаев В.В. Коррупция и формирование российских рынков: отношения чиновников и предпринимателей // Мир России. 1998. N 3. С. 57; Папава В. Об экономике коррупции в посткоммунистических странах // Общество и экономика. 2001. N 9. С. 105.

² Федеральный закон от 24.07.2007 N 209-ФЗ (ред. от 27.12.2018) "О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации"

здание инфраструктуры поддержки и развития предпринимательской деятельности, разработка льгот для субъектов предпринимательства государственных финансовых, материально-технических и информационных ресурсов, а также научно-технических разработок и технологий и др.

Помимо этого, существуют административно-правовые методы регулирования предпринимательской деятельности, направленные формирование единых условий хозяйственной деятельности. К таким методам относятся: государственная регистрация субъектов предпринимательской деятельности и лицензирование отдельных видов деятельности. Данные методы носят легитимационное значение, с помощью которого можно определить правосубъектность субъектов предпринимательской деятельности.

Центральную позицию занимают следующие методы: прогнозирование и программирование социально-экономического развития³³. По мнению специалистов административно-правовое регулирование предпринимательской деятельности необходимо. В качестве доказательства следует рассмотреть экономические правовые и иные основания.

Одно из наиболее значимых оснований осуществления административно-правового регулирования предпринимательской деятельности в особых экономических зонах является экономическое основание. В первую очередь это связано нереальностью полной саморегуляции рыночного механизма. Функции регулирования обычно берет на себя непосредственно государство. Содержание административно-правового регулирования предпринимательской деятельности в особых экономических зонах зависит от законодательства, регулирующего предпринимательскую деятельность.

Таким образом, предпринимательская деятельность в особых экономических зонах должно являться одним из наиболее результативным элементом правового регулирования в особых экономических зонах. Для дальнейшего развития необходимо учитывать как интересы государства, так и интересы резидентов и инвесторов особых экономических зон.

Литература

1. Федеральный закон от 24.07.2007 N 209-ФЗ (ред. от 27.12.2018) "О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации"
2. Федеральный закон от 22.07.05 № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации»
3. Федеральный закон от 22 июля 2005 года № 117-ФЗ «О внесении изменений в некоторые законодательные акты в связи с принятием Федерального закона «Об особых экономических зонах в Российской Федерации»

³³ См.: Ионова Ж.А. Правовые проблемы государственной регистрации и лицензирования предпринимательства: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997

4. Дунаев Р. А. Ограничения экономических прав граждан в Российской Федерации. М., 2005. С. 13;

5. Ионова Ж. А. Правовые проблемы государственной регистрации и лицензирования предпринимательства: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997

6. Лаптев В. В. Современные проблемы предпринимательского (хозяйственного) права // Предпринимательское право в XXI веке: преемственность и развитие. М., 2002. С. 21.

7. Проява С. М. Экономизация коррупции. М., 2005. С. 12; Радаев В. В. Коррупция и формирование российских рынков: отношения чиновников и предпринимателей // Мир России. 1998. N 3. С. 57; Папава В. Об экономике коррупции в посткоммунистических странах // Общество и экономика. 2001. N 9. С. 105.

Regulation of entrepreneurial activity in special economic zones in the Russian Federation: legal aspect Radkevich K.D. RTU MIREA.

This article discusses the goals and objectives of special economic zones. The definition and types of special economic zones are given, the goals of their creation are also considered. Special economic zones are effective and promising forms of development of international relations, economic and scientific potential of the country. The creation of special economic zones is an effective and promising direction for the development of the economy of individual territories and regions, which are focused on the formation of entrepreneurial potential, the introduction of the latest technologies and the production of goods that are competitive on world markets.

Key words: special economic zone, entrepreneurial activity, legal regulation.

References

1. Federal Law of 24.07.2007 N 209-FZ (as amended on 27.12.2018) "On the development of small and medium-sized businesses in the Russian Federation"
2. Federal Law of 22.07.05 No. 116-FZ "On special economic zones in the Russian Federation"
3. Federal Law of July 22, 2005 No. 117-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts in Connection with the Adoption of the Federal Law" On Special Economic Zones in the Russian Federation "
4. Dunaev RA Restrictions on the economic rights of citizens in the Russian Federation. M., 2005.S. 13 ;
5. Ionova Zh. A. Legal problems of state registration and licensing of entrepreneurship: Dis. ... Cand. jurid. sciences. M., 1997
6. Laptev VV Modern problems of entrepreneurial (economic) law // Entrepreneurial law in the XXI century: continuity and development. M., 2002.S. 21.
7. Proyava SM Economization of corruption. M., 2005.S. 12; Radaev V.V. Corruption and the formation of Russian markets: relations between officials and entrepreneurs // World of Russia. 1998. No. 3.S. 57; Papava V. On the economy of corruption in post-communist countries // Society and Economics. 2001. N 9.S. 105.

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ИНТЕРЕСЫ: ОСОБЕННОСТИ, ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ

Семенов К.Б.

аспирант кафедры гражданского права Юго-Западного государственного университета

В настоящей статье рассматривается понятие правовых интересов через призму гражданского права. Приводится авторское понимание гражданско-правовых интересов, выделяются их особенности, а также отличительные признаки.

Ключевые слова: интерес, правовой интерес, гражданское право, гражданско-правовая защита, субъективное гражданское право.

Большую роль в удовлетворении имущественных и неимущественных потребностей субъектов гражданского права играют гражданско-правовые интересы, которые имеют несколько направлений влияния: выступают побудительным фактором социально-полезной деятельности юридической личности; активно воздействуют на законотворчество и правоприменение; тесно связаны с субъективными правами и юридическими обязанностями, гражданскими правоотношениями, механизмом осуществления прав и законных интересов, мерами гражданско-правовой защиты и ответственности, являются структурным элементом правового статуса субъектов гражданского права, объектом охраны со стороны государства и права. Гражданско-правовые интересы возникают в силу объективных условий общественного бытия волевых, сознательно действующих и целеустремленных субъектов гражданского права. Субъективные гражданские права являются легальным средством осуществления и защиты гражданско-правовых интересов, отраженных и закрепленных в содержании и средствах осуществления этих субъективных прав. Что касается гражданско-правовых интересов, не отраженных напрямую в принципах и нормах субъективного права, то их правовой опорой являются смысл и принципы гражданского законодательства (п.1 ст. 1 ГК РФ).

В науке гражданского права проблемы интересов в целом и в гражданском праве в частности, и определение их сущности рассматриваются многими учеными: Е.Е. Богдановой [1], А.В. Кузьминой [3], А.В. Малько, В.В. Субочевым [4,5] и ряда других [7].

Полагаем, что гражданско-правовой (юридически значимый) интерес не является отношением, это только осознанная потребность, повышенное внимание, устремление одной юридической личности (физического либо юридического лица или публично-правового образования, участвующего в гражданско-правовом отношении) или группы лиц обладать и пользоваться определенным социальным (материальным или нематериальным) благом.

Правовые (законные) интересы в гражданском праве отличаются друг от друга своим происхождением, содержанием, объектом, носителем, функциями, направленностью (целью), средствами удовлетворения (защиты) и другими специфическими признаками [см. подр. 3]. Существуют два основных вида правовых (законных) интересов в гражданском праве: 1) интересы, признанные гос-

ударством и правом, отраженные в законе, иных формах гражданского права, в духе (смысле) и основных началах (принципах) гражданского права и законодательства, и интересы, защищаемые (охраняемые) с помощью средств гражданско-правовой защиты и ответственности; 2) правовые интересы, не закрепленные (не обеспеченные) напрямую нормами субъективного права, субъективными правами и юридическими обязанностями, но охраняемые нормами гражданского права как особые объекты гражданско-правовой защиты (охраны).

Например, самостоятельным объектом гражданско-правовой защиты (охраны) являются: охраняемые законом интересы, которым противостоят индивидуально-правовые акты, а в предусмотренных законом случаях – нормативно-правовые акты государственных и муниципальных органов, не соответствующие закону и нарушающие вышеназванные интересы (ст. 13 ГК РФ); охраняемые законом интересы лица, оспаривающего сделку, влекущую для него неблагоприятные последствия (п. 2 ст. 166 ГК РФ), а также интересы, основанные на ничтожной сделке, посягающие на охраняемые законом интересы третьих лиц (п. 2 ст. 168 ГК РФ); отраженные в условиях заключенного договора интересы заинтересованного лица, требующего изменить или расторгнуть договор в связи с существенными изменениями обстоятельств (ст. 451 ГК РФ).

Исходя из статуса носителя интересов, гражданско-правовые интересы можно классифицировать на: интересы физических, юридических лиц, публично-правовых образований, интересы участников абсолютных правоотношений (вещных, личных неимущественных, отношений интеллектуальной «собственности»), относительных (обязательственных договорных, деликтных, кондикционных), корпоративных правоотношений, а также наследственных, семейно-имущественных и иных гражданско-правовых отношений.

Содержание гражданско-правового интереса зависит от вида интереса, содержания и характера существующей потребности, охраняемого объекта, от поставленной цели, правового статуса и правосознания носителя интереса, вида правового инструмента по обеспечению (защите) законного интереса, от позиции законодателя и иных объективных и субъективных факторов содержания.

Гражданско-правовые (законные) интересы выполняют регулятивную, охранительную (компенсационно-восстановительную) и коммуникативно-воспитательную функции. Регулятивная функция гражданско-правовых (законных) интересов проявляется как на законодательном, так и правоприменительном уровнях.

При принятии норм гражданского (объективно) права мудрый законодатель стремится учитывать назревшие социальные интересы, претендующие на роль правового интереса, изменить (улучшить) ряд действующих правовых норм, принять новые нормы, связанные с имущественными и неимущественными интересами субъектов граж-

данского права, создать механизм реализации наиболее типичных, актуальных, социально-значимых интересов с помощью норм права, дозволений, стимулов, поощрений, рекомендаций, правоотношений, субъективных прав и юридических обязанностей, ограничений, запретов и иных правовых средств, способствующих реализации интересов в необходимом направлении. В ходе правоприменения судебные и иные юрисдикционные органы призваны учитывать регулятивную роль интересов в гражданском праве, применять объективные нормы с учетом этих интересов и правовых средств их реализации.

Субъекты гражданского права, добросовестно использующие режим правовых интересов, упорядочивают свои фактические и правовые связи (отношения), обеспечивают статику и динамику имущественных и неимущественных отношений, действуют с учетом законных интересов других лиц, интересов общества и государства, удовлетворяют свои экономические и духовные потребности.

Принудительное исполнение обязательства в натуре, возмещение вреда в денежной форме, взыскание договорных убытков, неустойки (пени, штрафа), процентов, денежной компенсации за причинение неимущественного вреда также происходят с учетом интересов потерпевших лиц. Участники договорных отношений могут установить дополнительные (повышенные) повышенные меры ответственности, исходя из взаимных интересов.

Представляется, что основными принципами гражданско-правового обеспечения законных интересов являются: законность (легитимность), справедливость, разумность, добросовестность, соразмерность (сбалансированность) заявленных интересов, обоснованность, всесторонность, объективность, учет конституционного положения о приоритете прав и свобод личности как высшей ценности человеческого общества, профессиональное согласование различных законных интересов и поиск наиболее эффективных легальных средств их удовлетворения и защиты на основе общих принципов гражданского права [6, с. 29].

Таким образом, гражданско-правовые (законные) интересы стимулируют возникновение и дальнейшую динамику гражданских правоотношений, определяют средства своего осуществления и защиты, обеспечивают нормальное поведение участников правоотношения. Будучи неправовым образованием, законные интересы становятся как бы составной частью механизма гражданско-правового регулирования и защиты. При этом очень важно выявить принадлежность заявленных интересов к институту законных правовых интересов в системе гражданского права, установить подлинную приоритетность и обоснованность того или иного интереса, предложить наиболее безболезненные пути и средства достойного выхода из конфликтной ситуации правовых интересов. Гражданско-правовые интересы позволяют заполнить имеющиеся пробелы в гражданском законодательстве, устранить лакуны и вынести

судебное решение в соответствии с духом (смыслом) и принципами гражданского права, используя при этом все легитимные средства вплоть до аналогии закона и аналогии права.

Литература

1. Богданова Е.Е. Защита прав и интересов в договорных отношениях. – М.: Юнити-Дана: Закон и право, 2008.
2. Крашенинников Е.А. Правовая природа охраняемого законом интереса // Вестник ВАС РФ. – 2010. – № 5.
3. Кузьмина А.В. Юридические интересы: теоретико-правовое исследование. – М.: Наука, 2011.
4. Малько А.В., Субочев В.В. Законные интересы как правовая категория. – СПб., 2004.
5. Субочев В.В. Законные интересы / Проблемы теории государства и права / под ред. А.В. Малько. – М.: Юрлитинформ, 2012.
6. Гражданское право / Никонович С.Л., Садков А.Н., Ломакин С.С., и др.: учебно-методическое пособие. – Тамбов: Изд-во Першина Р.В., 2014. – 480 с.
7. Теория государства и права. Учебник / Авдалян А.Я., Бочаров А.В. и др.: под ред. Н.И. Грачева. – М.: Зерцало, 2018. – 878 с.

Civil interests: features, distinctive features.

Semenin K.B.

Southwestern State University

This article examines the concept of legal interests through the prism of civil law. The author's understanding of civil interests is given, their features and distinctive features are highlighted.

Key words: interest, legal interest, civil law, civil protection, subjective civil law.

References

1. Bogdanova E.E. Protection of rights and interests in contractual relations. - M.: Unity-Dana: Law and Law, 2008.
2. Krasheninnikov E.A. The legal nature of the interest protected by law // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. - 2010. - No. 5.
3. Kuzmina A.V. Legal interests: theoretical and legal research. - M.: Nauka, 2011.
4. Malko A.V., Subochev V.V. Legitimate interests as a legal category. - SPb., 2004.
5. Subochev V.V. Legitimate interests / Problems of the theory of state and law / ed. A.V. Malko. - M.: Jurlitinform, 2012.
6. Civil law / Nikonovich S.L., Sadkov A.N., Lomakin S.S., et al: teaching aid. - Tambov: Publishing house of Pershina R.V., 2014. -- 480 p.
7. Theory of state and law. Textbook / Avdalyan A.Ya., Bocharov A.V. and others: ed. N.I. Gracheva. - M.: Zertsalo, 2018. -- 878 p.

ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Павлинова Екатерина Юрьевна,

студент, кафедра уголовного процесса и криминалистики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, katya.nova@list.ru

В XXI веке с развитием технологий развиваются варианты и способы совершения преступлений. Интернет-преступления совершаются в различных сферах общественной жизни, и уже не являются новостью для современного мира, однако в Российской Федерации данная категория преступлений до сих пор вызывает большие вопросы. В связи с событиями, происходящими в мире государство взяло направление на борьбу с терроризмом и экстремизмом в любых его проявлениях, не осталось без внимания то, что информационно-коммуникационная сеть Интернет активно используется для размещения экстремистских материалов. Используя глобальную сеть Интернет и возможности компьютерной коммуникации, идеологи экстремистских движений и групп активно воздействуют на сознание граждан и, в первую очередь, молодежи. В 2013–2014 гг. была отмечена необходимость ужесточения действующего законодательства и мер репрессивного характера для лиц, совершающих правонарушения с использованием сети Интернет, а также создание развитой, адекватной системы профилактики и предупреждения преступлений данной категории. В статье предпринята попытка проанализировать существующую ситуацию в этой сфере.

Ключевые слова: борьба с экстремизмом, сеть Интернет, компьютерные преступления.

Развитие и массовое использование международной информационно-коммуникационной сети Интернет является общемировой тенденцией развития последнего времени. Деятельное участие большого количества не только отдельных пользователей, но и целых организаций в среде глобального информационного пространства детерминирует необходимость выработки соотносимых с текущими тенденциями развития информационно-коммуникативных технологий мер обеспечения национальной безопасности, в частности противодействию активизировавшемуся распространению идей экстремизма и терроризма. Несмотря на то, что в настоящее время появляется достаточно большое количество работ, посвященных расследованию и предотвращению компьютерных преступлений, а также их отдельных видов, или преступлений, совершенных с использованием аппаратных средств [1, с. 25–31], расследованию преступлений экстремистской направленности в сети Интернет не уделено должного внимания.

Организаторы и участники экстремистских групп активно используют в своих целях процесс глобализации, принимая на вооружение новейшие информационные технологии, с помощью которых делают менее уязвимыми для правоохранительных органов элементы своей инфраструктуры.

Создаются террористические организации, в основу построения которых заложен принцип сетевой структуры, что в свою очередь обуславливает увеличение их потенциала в современных информационно-коммуникативных условиях. Для них характерны единые центры и информационно-коммуникативные каналы, автономный способ существования входящих в сообщество периферийных преступных группировок, взаимодействующих как с центром, так и между собой.

Информационное пространство сети Интернет состоит из разнообразных ресурсов. Абсолютное большинство из них при этом не являются средствами массовой информации и как следствие этого становится невозможным применение норм законодательства о СМИ.

Для противодействия распространению идеям экстремизма правоохранительными органами в настоящее время применяются нормы уголовного законодательства – о призывах к экстремистской деятельности (статья 280 УК РФ), возбуждении ненависти (статья 282 УК РФ), а также о публикациях, которые могут быть отнесены к деятельности экстремистского сообщества (статья 282.1 УК РФ) или запрещенной организации (статья 282.2

УК РФ) и наконец публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма (статья 205.2 УК РФ) или содействие террористической деятельности (статья 205.1 УК РФ) [2; 7].

Также используются нормы Кодекса об административных правонарушениях – статья 20.3 «Пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики» и статья 20.29 «Производство и распространение экстремистских материалов» [3].

Статистика последних лет свидетельствует, что борьба с экстремизмом за последние годы активно стала переходить из реального мира в виртуальный. Статистика показывает, что, если в 2007 г. из 28 приговоров по ст. 280 и 282 УК только 3 приговора касались размещенных в сети материалов, то в 2008–14 из 45, в 2009–17 из 56, в 2010–26 из 72, а в 2011 г. приговоры по экстремизму в Интернете уже превысили число приговоров по «обыкновенным» делам: 52 из общего числа приговоров 78. В 2012 г. эта тенденция получила развитие, за первые полгода из 32 приговоров по экстремистским статьям 18 касались деятельности в Интернете [4].

Год от года увеличивается и количество интернет ресурсов в Федеральном списке экстремистских материалов. Так в 2008 г. их было 25, в 2009–38, 2010–44, 2011–93, 2012–264, за 10 месяцев 2013–110, итого 574 или почти 37% от общего количества (2122 по состоянию на 20 ноября 2013 года) [5].

В связи с этим противодействие экстремизму и терроризму в сети Интернет является одним из актуальных направлений деятельности органов государственной власти и правоохранительных органов на современном этапе. Никто не вкладывает смысл, например, в сами слова репост или лайк. Все законы в Российской Федерации прямолинейны и не гибки, не считаны на конкретное действие. Закон, касающийся данных преступлений не должен быть таким. Не должно происходить того к чему пришли сейчас. Сказали бороться и начали всех без разбора судить по одной аналогии, но каждый случай индивидуален. Именно поэтому сейчас отменяют такое количество приговоров по этим статьям. Сначала осудили, но только потом начали разбираться [6].

В будущем законе должен быть описан порядок регулирования приобретения ресурса, статус его владельцев, их обязанности и права по отношению к третьим лицам, размещающим информацию на сайте. Однако и принятие федерального закона не решит проблему в целом, так как большинство ресурсов сети при их целевой направленности на российскую аудиторию, юридически зарегистрированы за границей. В связи с этим плодотворное противодействие распространению экстремистских материалов планируемый закон может оказать только на те ресурсы сети, которые юридически и физически расположены в России [9].

Значительное число террористических и экстремистских организаций, запрещённых на территории России и стран СНГ, абсолютно законно осуществляют свою деятельность в большинстве

западных стран. Это не дает возможности для организации судебного преследования граждан, регистрирующих экстремистские сайты за рубежом и наполняющих их информацией.

Мировая практика свидетельствует, что подобные проблемы характерны не только для Российской Федерации. Помимо отсутствия выстроенной нормативно-правовой базы противодействия экстремизму и терроризму в информационном пространстве также существуют проблемные вопросы технического плана [10]:

- установление лица, разместившего в сети экстремистский или террористический материал. Современные технологии беспроводного доступа в сеть (например, Wi-Fi), имеющиеся в свободной продаже сетевые платы с динамическим IP-адресом и т. п. фактически исключают обнаружение такого лица;

- идентификация лица как автора или издателя экстремистского, или террористического материала, а не просто как владельца средства вычислительной техники, посредством которого в сети был размещен материал.

В 2013 г. Следственный комитет России объявил тендер «на оказание услуг доступа к системе мониторинга и прогнозирования противоправных действий на основе информации из соцсетей, блогов и СМИ». Для того, чтобы осуществлять мониторинг, программистам будет необходимо разработать систему, способную анализировать сообщения пользователей «ВКонтакте», Facebook, Twitter, Livejournal, «Одноклассники», YouTube, RuTube, Instagram и Foursquare. Аналогичными системами давно пользуются в администрации Президента. Программа позволяет обрабатывать сообщения более 40 млн. русскоязычных блогов, микро-блогов, форумов и социальных сетей. Разработчики системы утверждают, что она позволяет отслеживать рост социальной напряжённости в Интернете, протестные настроения, экстремизм; обсуждение уровня цен, зарплат, пенсий, инфраструктуры, медицины и пр [9].

Эксперты следственного комитета объясняют необходимость создания данного механизма тем, что он предоставит возможность оперативного реагирования на возникающие угрозы и средство предотвращать преступления.

На сегодняшний момент основанием для введения ограничений или прекращения доступа к тому или иному интернет-ресурсу является внесение данного ресурса в «Федеральный список экстремистских материалов», либо, если ресурс является официальным сайтом организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности». В этом случае Министерством юстиции всем интернет-провайдерам рассылаются соответствующие информационные письма, а также организации предоставляющей интернет-хостинг [11].

Таким образом, если сервер, на котором находится ресурс, размещён на территории РФ, то сайт удаляется физически, либо в большинстве случаев провайдеры блокируют запросы к данному ресурсу. Однако стоит отметить, что процедура принятия решения о признании материалов или сайтов экстремистскими через суды не способствует оперативности в принятии решения, а, следовательно, не является эффективной мерой. До момента принятия решения данные материалы могут быть растражированы на десятки и сотни других сайтов.

Подводя итог, можно сказать, что на сегодняшний день можно констатировать наличие следующих проблем в данном направлении:

- отсутствие международного нормативно-правового акта (договора, пакта, конвенции) регламентирующего взаимодействие государств в сфере противодействия экстремизму и терроризму в информационно-коммуникационном пространстве;

- несовершенство нормативно-правовой базы РФ в сфере противодействия экстремизму в сети Интернет;

- отсутствие единого органа, как на федеральном, так и на региональном уровнях, на который полностью возложена функция мониторинга информационно-коммуникационного пространства (подобные подразделения есть в большинстве силовых ведомств, но механизмы их взаимодействия и координации не отлажены);

- наличие проблемных вопросов в сфере применения технических средств.

Исходя из этого, первоочередными мерами решения вышеизложенных проблем должны стать:

- инициирование в рамках ООН разработки и принятия международного правового акта по взаимодействию в сфере противодействия экстремизму и терроризму в глобальном информационном пространстве;

- оперативная доработка законопроекта и принятие Государственной думой Федерального закона, прописывающего права, обязанности и ответственность пользователей сети Интернет на территории России;

- создание единого федерального органа (подразделения в структуре одного из силовых ведомств), его территориальных отделений наделённого полномочиями и оснащённого новейшими техническими средствами для мониторинга и анализа информации сети Интернет, в частности, на предмет проявлений экстремизма.

Литература

1. Дикова Н.В. Криминалистическая характеристика и криминалистическая классификация преступлений, совершенных с использованием электронных платежных средств и систем // Монография. – Оренбург: ОГИМ, 2010. – 121 с.

2 Глава ФСБ: Интернет остается источником идей экстремизма. URL:

<http://www.itartass.com/glavnie-novosti/606729> (дата обращения: 12.04.2017).

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях 30 декабря 2001 года №195-ФЗ // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

4. МВД предлагает ввести уголовную ответственность за экстремизм в Сети. URL: <http://nsm.me/blogs/aleeks1/mvd> (дата обращения: 12.04.2017).

5. Принципы борьбы с экстремизмом в сети и вне ее будут одинаковыми. URL: <http://www.securitylab.ru/news> (дата обращения: 12.04.2017).

6. Путин призвал ФСБ уделять больше внимания интернету. URL: <http://www.securitylab.ru/news> (дата обращения: 12.04.2017).

7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 №63-ФЗ // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

8. Федеральный список экстремистских материалов. Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации. URL: <http://minjust.ru/extremist-materials> (дата обращения: 12.04.2017).

9. Эксперты СК России будут следить за СМИ и соцсетями. URL: <http://www.securitylab.ru/news/440616.php> (дата обращения: 12.04.2017).

10. Мельникова Д. П. Правовое регулирование экстремистской деятельности в сети Интернет. URL: <http://www.scienceforum.ru/2013/151/2191> (дата обращения: 12.04.2017).

11. Соболев В. Противодействовать идеологии терроризма. URL: <http://i-r-p.ru/page> (дата обращения: 12.04.2017).

12. Основные проблемы уголовно-правовой оценки проявлений экстремизма и терроризма. URL: http://dpr.ru/pravo/pravo_21_16.htm (дата обращения: 12.04.2017).

13. Функционально возможные инструментальные средства противодействия распространению идей экстремизма и терроризма в сети Интернет на территории РФ. URL: <http://www.bibliofond.ru/view> (дата обращения: 12.04.2017).

Problems of counteraction to extremism on the internet

Pavlinova E.Y,

Samara University

In the XXI century with the development of technologies, the development of options and ways of committing crimes. Internet crimes are committed in various spheres of public life, and are no longer news to the modern world, however, in the Russian Federation this category of crimes still raises big questions. In connection with the events occurring in the world, the state took the direction of the fight against terrorism and extremism in all its manifestations, does not remain without attention the fact that information and communication the Internet is actively used for the placing of extremist materials. Using a global network of Internet & computer communication, the ideologists of extremist movements and groups actively influence the consciousness of citizens and, first and foremost, young people. In 2013–2014, he noted the need to strengthen existing legislation and repressive measures for persons who commit crimes using the Internet, as well as the creation of a modern, adequate system for the prevention and the prevention of crimes of this category.

The article attempts to analyze the existing situation in this sphere.

Key words: fight against extremism, the Internet, computer crimes.

References

1. Dikova N.V. Forensic characteristics and forensic classification of crimes committed using electronic means of payment and systems // Monograph. - Orenburg: OGIM, 2010. -- 121 p.
2. FSB head: The Internet remains a source of extremist ideas. URL: <http://www.itartass.com/glavnie-novosti/606729> (date of access: 12.04.2017).
3. The Code of Administrative Offenses of the Russian Federation on December 30, 2001 No. 195-FZ // Reference and legal system "Consultant Plus".
4. The Ministry of Internal Affairs proposes to introduce criminal liability for extremism on the Internet. URL: <http://nnm.me/blogs/aleeks1/mvd> (date accessed: 12.04.2017).
5. The principles of combating extremism online and offline will be the same. URL: <http://www.securitylab.ru/news> (date of access: 12.04.2017).
6. Putin urged the FSB to pay more attention to the Internet. URL: <http://www.securitylab.ru/news> (date accessed: 12.04.2017).
7. The Criminal Code of the Russian Federation dated June 13, 1996 No. 63-FZ // Reference and legal system "Consultant Plus".
8. Federal list of extremist materials. Official site of the Ministry of Justice of the Russian Federation. URL: <http://minjust.ru/extremist-materials> (date of access: 12.04.2017).
9. Experts from the Investigative Committee of Russia will follow the media and social networks. URL: <http://www.securitylab.ru/news/440616.php> (date of access: 12.04.2017).
10. Melnikova DP Legal regulation of extremist activity on the Internet. URL: <http://www.scienceforum.ru/2013/151/2191> (date of access: 12.04.2017).
11. Sobolev V. Counteract the ideology of terrorism. URL: <http://i-rp.ru/page> (date of access: 12.04.2017).
12. The main problems of the criminal legal assessment of manifestations of extremism and terrorism. URL: http://dpr.ru/pravo/pravo_21_16.htm (date of access: 12.04.2017).
13. Functionally possible tools for countering the spread of ideas of extremism and terrorism on the Internet in the Russian Federation. URL: <http://www.bibliofond.ru/view> (date of access: 12.04.2017).

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ РЕШЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В СИСТЕМЕ ПРАВОСУДИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Лесных Екатерина Сергеевна,

магистрант, кафедра уголовного процесса и криминалистики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, kadzuko@yandex.ru

В данной статье предпринята попытка рассмотреть проблемы реализации решений ЕСПЧ в системе правосудия Российской Федерации. Проанализированы причины трудностей, которые возникают при применении актов Европейского суда, а также сделан вывод об их положительном влиянии на российскую правовую систему. В статье проведен сравнительный анализ применения положений Конвенции, Конституции РФ, решений Конституционного Суда и ЕСПЧ.

Ключевые слова: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, Конвенция о защите прав человека и основных свобод, Европейский Суд по правам человека.

Вся совокупность решений Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) является ориентиром для законотворческой и правоприменительной деятельности членов Совета Европы независимо от того, какие государства были ответчиками в рассмотренных ЕСПЧ делах. В настоящее время его решения имеют важное значение в регулировании уголовно-процессуальных отношений в нашей стране [1, с. 67–68; 2, с.53–54].

Незнание решений ЕСПЧ, обращение лишь к конвенциональным положениям при оценке соответствия национального законодательства Конвенции в России, например, неоднократно приводили юристов к ошибочным выводам, в частности, к выводу о недопустимости допроса свидетеля в отсутствие подсудимого, поскольку это, якобы, противоречит ст. 6 Конвенции. Однако ЕСПЧ признало, что, хотя свидетели «в принципе» должны допрашиваться в присутствии подсудимого, последний может быть удален на время их допросов, если он угрожал свидетелям или может угрожать им⁵. Иллюстрацией необходимости знания прецедентов ЕСПЧ может служить и длившаяся в России десятилетие полемика о возможности участия граждан в уголовном процессе под псевдонимом [3, с.124].

Дискуссия сошла на нет лишь с принятием в 2001 г. УПК РФ, в котором, исходя из позиции ЕСПЧ, законодатель предусмотрел использование псевдонимов. В ряде стран возможны споры, например, вокруг ограничения права защитника на свидания с подзащитным при его содержании под стражей – с целью исключить канал связи (через защитника) между подзащитным, являющимся инициатором посткриминального воздействия, и готовыми участвовать в этом воздействии лицами, находящимися на свободе. Ненужной дискуссии можно избежать, если обратиться к решениям ЕСПЧ, и в них данное ограничение, при соблюдении определенных процессуальных условий, признано допустимым:

В различных национальных исследованиях отмечается, что фундаментальное знание Конвенции к настоящему моменту, по крайней мере, в профессиональной юридической среде сформировалось. Однако с функциональным знанием, т.е. способностью применять нормы Конвенции на практике, налицо немало проблем. В частности, в большинстве государств Совета Европы судьи национальных судов сомневаются в необходимости ссылок в своих решениях на Конвенцию и вер-

дикты Европейского Суда. При этом нежелание ссылаться на стандарты Конвенции и Европейского Суда чаще всего связано с недостаточным знанием и пониманием национальными судьями этих стандартов.

ЕСПЧ и Комитета Министров СЕ отмечается, что процессу имплементации положений ЕКПЧ в национальное право мешает отсутствие эффективных средств правовой защиты на национальном уровне, как того требует статья 13 Конвенции.

Суд и Комитет Министров определяли такие средства как «доступные и способные предоставить адекватное возмещение любого нарушения, которое уже произошло либо может произойти». Введение таких средств национальной правовой защиты преимущественно является обязанностью законодательного органа [4].

В разных государствах существует разнообразие методов, которые могут использоваться для выполнения обязательств по Конвенции. Среди них «совмещение выплаты компенсации и пересмотра дела заявителя», усиление гарантий права на своевременный и справедливый суд путем предоставления права обращаться в национальный суд за выплатой компенсации и за ускорением процесса рассмотрения дела, и т.д.

В российских судах присутствует полное единообразие в вопросах применения законоположений Конвенции, Конституции РФ, решений Конституционного Суда и ЕСПЧ.

«Рассмотрим пример, Москва, Мещанский районный суд. Свидетель-полицейский красочно рассказывает о «плановом склонении» в ходе оперативно-розыскных мероприятий одного из обвиняемых к даче взятки другому лицу. Защита напоминает о правовых позициях ЕСПЧ по делам о провокациях. Судья заявляет, что европейское правосудие – правосудие враждебное и российским судом не применяется, поэтому практика этого суда в расчет не берется. Этот же судья на стадии судебного следствия задолго до постановления приговора говорил о виновности одного из подсудимых».

Защита заявляет сначала возражения, а потом и отвод, исходя из правовых позиций ЕСПЧ и Конституционного Суда.

Судья же сам себя отводить не стал. Он признал незаконным ходатайство защиты об изготовлении протокола судебного разбирательства частями, несмотря на решение Конституционного Суда, согласно которому суд обязан создать условия для изготовления и ознакомления сторон с частями протокола. Суд фактически признал незаконным еще одно решение Конституционного Суда, согласно которому уравниены права защиты и обвинения в получении от суда постановления об истребовании информации с технических каналов связи. Тем самым защита лишена возможности доказать суду, что доказательства обвинения подложные.

Нежелание судебного корпуса применять Конвенцию и решения ЕСПЧ, а также решения Конституционного Суда делает невозможным процесс

фактической имплементации положений ЕСПЧ в российском национальном праве.

В российских судах работает система, которая не позволяет представлять неоспоримые доказательства нарушений статей 6 и 13 Конвенции, гарантирующих справедливое судебное разбирательство и наличие внутри страны средств эффективной правовой защиты (фальсификация протоколов судебных заседаний). Суды материалы как доказательства защиты на стадии апелляции не принимают и к делу не приобщают.

Решения ЕСПЧ имеются в правовых базах, установленных в каждом суде. На сайтах госзакупок можно узнать перечень и стоимость ежегодно покупаемой для судебного корпуса литературы, среди которой все существующие в юридическом сообществе журналы и издания, включая практику ЕСПЧ.

В целом влияние решений ЕСПЧ на уголовное судопроизводство РФ можно оценить как положительное, способствующее повышению гарантий защиты прав человека при производстве по уголовным делам.

Однако поспешность, с которой российские власти пошли на реорганизацию пересмотра судебных решений по уголовным делам, не обеспечив глубокой научной основы и концептуальной проработки предложенных новелл, проигнорировав перспективу возникновения серьезных проблем организационного и правоприменительного характера, объясняется, видимо, излишне трепетным и болезненным отношением к постановлениям ЕСПЧ, стремлением избежать дальнейших упреков в нарушении прав человека, закрепленных в Конвенции.

Подобная боязнь быть обвиненными в нарушении положений Конвенции проявляется в правотворческой и правоприменительной деятельности и других государств, в частности, Норвегии [5]. В тоже время приходится констатировать, что «новая» модель российской апелляции далека от совершенства и имеет существенные недостатки и даже нестыковки с основополагающими началами (принципами) уголовного судопроизводства, по поводу чего до настоящего времени подвергается критическому анализу [6]. Несмотря на предпринятые российским законодателем шаги по устранению изъянов первоначальной редакции закона ФЗ №433-ФЗ, полностью не устранено несоответствие апелляционных процедур международно-правовому принципу справедливого судебного разбирательства, вытекающему из положений ст.6 Конвенции, поскольку в пересмотре судебных решений не обеспечена в полной мере состязательность сторон и усилены ревизионные начала [7, с. 773–778].

Между тем, оценка фактической обоснованности решения без непосредственного исследования доказательств и собственного установления фактов не является полноценным и эффективным пересмотром дела. Именно этот изъян кассационного способа проверки обжалованных решений в су-

де второй инстанции был причиной его критики со стороны Европейского Суда по правам человека.

Представляется, что реформированный апелляционный порядок пересмотра судебных решений по уголовным делам, по сути, мало чем отличается от своего предшественника – «советской кассации», и значит (можно прогнозировать) неоднократно подвергнется испытанию на прочность в Европейском Суде, от оценок которого во многом будет зависеть дальнейшее развитие и совершенствование апелляционного производства в российском уголовном процессе.

Стандарты и требования Конвенции, как и правовые позиции ЕСПЧ, мало чем отличаются от законоположений Конституции Российской Федерации и решений Конституционного Суда. Именно поэтому они столь одинаково неприменяемы судами при рассмотрении дел. Это доказывает изначальную гармонизацию российской правовой системы (в том виде, в котором она должна быть согласно закону) с общеевропейским правовым пространством.

Литература

1. Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики: учебник для магистров / под ред. В.А. Лазаревой, А.А. Тарасова. – М.: Издательство Юрайт, 2012. – 476.

2. Уголовный процесс: учебник / коллектив авторов; под ред. В.А. Лазаревой. – М.: Юстиция, 2017. – 654с.

3. Лаусон Р.А., Шермерс Х.Г. Обзор основных положений Европейской конвенции о защите прав и основных свобод (из книги «Избранные дела Европейского Суда по правам человека») // Правоохранительная деятельность и соблюдение прав человека. Бюллетень №2. – СПб., 2001. С. 124–126.

4. Зорькин В. (председатель Конституционного Суда России) Российская газета – Федеральный выпуск №6809, 2015 // <https://rg.ru/2015/10/21/zorkin.html>

5. Rui J.P. Decisions from the European Court of Human Rights: influence on Norwegian Criminal Law and Criminal Procedural Law // Правовые проблемы Норвегии и России: северное измерение: в 2 ч.: материалы 1-й международной научно-практической конференции «Правовые системы Баренцева Евро-Арктического региона» (Архангельск, 27–29 апреля 2010 г.). – Ч. 2 / сост.е.Ю. Шинкарева; под общ. ред. Е.Ю. Шинкаревой, Э. Равна; Сев. (Арктич.) федер. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Архангельск: ИПЦ САФУ, 2011. – 430 с.

6. Бобракова И.С., Ковтун Н.Н., Апелляция в уголовном процессе: осознанная необходимость или взлелеянный миф? URL: <http://www.iuaj.net/node/532> (дата обращения 26.10.2016).

7. Бурмагин С.В. О соответствии новых правил апелляционного производства по уголовным делам принципу справедливого судебного разбирательства // Научные труды. Российская академия юридических наук. Выпуск 13: в 2 т. Т.2. – М.: ООО «Издательство «Юрист», 2013. – С. 773–778.

Problems of implementation of decisions of the European Court of Human Rights in the justice system of the Russian Federation

Lesnykh E.S.

Samara University

This article attempts to examine the problems of implementation of ECHR judgments in the justice system of the Russian Federation. The paper analyzes the reasons for the difficulties that arise when applying the acts of the European Court of Justice, and there is a conclusion about their positive impact on the Russian legal system. The article compares the application of the realization of the Convention, the Constitution of the Russian Federation, the decisions of the Constitutional Court and the ECHR.

Keywords: *The European Court of human rights, Convention for the protection of human rights and fundamental freedoms, the Criminal procedure code of the Russian Federation.*

References

1. Criminal Procedure Law. Actual problems of theory and practice: a textbook for masters / ed. V.A. Lazareva, A.A. Tarasova. - M.: Yurayt Publishing House, 2012. -- 476.
2. Criminal procedure: textbook / group of authors; ed.V.A. Lazareva. - M.: Justice, 2017. -- 654p.
3. Lawson R.A., Shermers H.G. Review of the main provisions of the European Convention for the Protection of Rights and Fundamental Freedoms (from the book "Selected Cases of the European Court of Human Rights") // Law enforcement and human rights observance. Bulletin No. 2. - SPb., 2001. S. 124-126.
4. Zorkin V. (Chairman of the Constitutional Court of Russia) Rossiyskaya Gazeta - Federal Issue No. 6809, 2015 // <https://rg.ru/2015/10/21/zorkin.html>
5. Rui J.P. Decisions from the European Court of Human Rights: influence on Norwegian Criminal Law and Criminal Procedural Law // Legal problems of Norway and Russia: northern dimension: in 2 hours: materials of the 1st international scientific-practical conference "Legal systems of the Barents Euro-Arctic region "(Arkhangel'sk, April 27-29 2010). - Part 2 / compiled by E.Yu. Shinkareva; under total. ed. E.Yu. Shinkareva,
- E. Ravna; North. (Arctic) Feder. un-t them. M.V. Lomonosov. - Arkhangel'sk: IPC NArFU, 2011. -- 430 p.
6. Bobrakova IS, Kovtun NN, Appeal in criminal proceedings: a perceived necessity or a cherished myth? URL: <http://www.iuaj.net/node/532> (date of treatment 10/26/2016).
7. Burmagin S.V. On the compliance of the new rules of appeal in criminal cases with the principle of a fair trial // Scientific works. Russian Academy of Legal Sciences. Issue 13: in 2 volumes. Vol.2. - M.: LLC "Publishing House" Yurist ", 2013. - S. 773-778.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: СУДЕБНО-АРБИТРАЖНАЯ ПРАКТИКА

Горелов Николай Станиславович
студент Института экономики и права РТУ МИРЭА

Джинджолия Рауль Сергеевич,
доктор юридических наук, профессор кафедры интеллектуальных прав РТУ МИРЭА

Судебно-арбитражная практика в современном предпринимательском праве занимает одну из главных ролей по регулированию отношений, возникающих в той или иной ситуации. Крайне важно исследовать данное явление и сделать выводы о его необходимости в современном российском предпринимательском праве.

Ключевые слова: предпринимательское право, правовое регулирование предпринимательской деятельности, судебная практика.

Правовое регулирование предпринимательской деятельности осуществляется, в первую очередь, федеральными законами и иными нормативно-правовыми актами. Однако, законодатель не всегда успевает своевременно отреагировать на изменения в обществе, и в частности, в экономической его составляющей, и внести корректировки в действующее законодательство. Кроме того, ситуация осложняется тем, что предпринимательское право, как самостоятельная отрасль права, не имеет собственного кодифицированного закона (как, например, в гражданском или уголовном праве). В таком случае, на помощь приходит судебная практика.

«Защита нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов, а также содействие укреплению законности и предупреждению правонарушений в сфере предпринимательской деятельности»¹ - такие задачи возложены на арбитражные суды РФ.

Очевидно то, что арбитражное правосудие, как одно из самых молодых явлений современной России, не сформировалось полностью, законодательство так или иначе имеет ряд пробелов. Такое положение дел оперативно способна исправить судебная практика.

Данная проблема актуальна, что подтверждается существенным количеством научных статей. Большинство юристов склоняется к выводу о необходимости судебной практики в вопросах регулирования предпринимательской деятельности². Возникает необходимость в детальном исследовании судебной практики арбитражного процесса.

Как известно, в процессе реализации деятельности суда могут возникать ситуации, не урегулированные (или не в полной мере урегулированные) в законодательстве. Законодательство и судебная практика постоянно взаимодействуют и оказывают влияние друг на друга.

«С одной стороны, законодательство служит основой для формирования устойчивой практики арбитражных судов при разрешении споров, с другой – Высший арбитражный суд РФ дает в пределах своей компетенции разъяснения по применению тех или иных положений законодательства.»¹.

¹ См.: Кузнецова В.В. Особенности применения судебной практики при вынесении арбитражным судом судебного решения /Вестник Поволжского института управления. 2007. С. 97

² См.: Фархутдинов Р.Д. Роль судебной практики в правовом регулировании предпринимательской деятельности /Вестник экономики, права и социологии. №4-2011. С. 220

ства»¹. Справедливо мнение С. А. Иванова, который считает, что судебная практика - источник права до момента принятия законодателем аналогичной нормы в полном объеме (в части) или же наоборот, не принятия и отвержения такой нормы².

В любом случае судебная практика положительно влияет на правовое регулирование, «поскольку позволяет законодателю использовать оптимальный вариант при формулировании нормы закона, что способствует совершенствованию законодательства»³.

В настоящее время возрастает роль судебного прецедента даже в тех европейских странах, которые относятся к романо-германской правовой системе. Такая тенденция не может ни коснуться России. По мнению Председателя ВАС РФ «появление прецедента в нашей правовой системе обусловлено важными факторами. Первый фактор - значительное отставание законодательства от молниеносных экономических преобразований. Второй фактор - резко возросшая роль права в период преобразований. Если раньше наша экономика управлялась индивидуальными плановыми актами, то после разрушения системы индивидуального планового регулирования остался один регулятор - право».

Хотя официально, в российском законодательстве нет понятия «прецедента», можно сказать, что он существует и более того, работает. Источниками прецедентов в России являются постановления пленумов судов (применительно к предпринимательскому праву это, в первую очередь, Руководящие разъяснения Высшего Арбитражного суда).

Следует отметить, что одно из преимуществ судебной практики заключается в том, что в последствии законодатель, опираясь на нее, вносит обоснованные изменения, усовершенствуя правовую базу таким образом, чтобы она функционировала верно и применялась судами правильно.

В заключение, можно сформулировать определенные следующие выводы, в отношении значения судебной практики:

1. Судебная практика выполняет важную вспомогательную роль в российском законодательстве;
2. Судебная практика, которая закрепляется постановлениями Пленума Высшего арбитражного суда РФ приравнивается к источникам предпринимательского права и учитывается арбитражными судами при разрешении споров;
3. Назрела необходимость официально закрепить судебную практику в качестве источника права (прецедента) и разрешить судам официально

ссылаться на них в принимаемых решениях по соответствующим спорам.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ);

2. Федеральный конституционный закон от 28.04.1995 N 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» (ред. от 29.07.2018);

3. «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 25.12.2018);

4. Фархутдинов Р. Д. Роль судебной практики в правовом регулировании предпринимательской деятельности /Вестник экономики, права и социологии. № 4-2011. С. 220-223;

5. Кузнецова В. В. Особенности применения судебной практики при вынесении арбитражным судом судебного решения /Вестник Поволжского института управления. 2007. С. 97-101;

6. Иванов С. А. Судебные постановления как источник трудового права / Судебная практика как источник права. - М., 1997.

Legal regulation of entrepreneurial activity: judicial and arbitration practice

Gorelov N.S., Dzhinolia R.S.

Intellectual Rights, RTU MIREA

Litigation and arbitration practice in modern business law occupies one of the main roles in regulating relations arising in a given situation. It is extremely important to investigate this phenomenon and draw conclusions about its necessity in modern Russian business law.

Key words: entrepreneurial law, legal regulation of entrepreneurial activity, judicial practice.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (taking into account the amendments made by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of 12/30/2008 N 6-FKZ, of 12/30/2008 N 7-FKZ, of 02/05/2014 N 2-FKZ, of 07/21/2014 N 11-FKZ);
2. Federal Constitutional Law of 28.04.1995 N 1-FKZ "On Arbitration Courts in the Russian Federation" (as amended on 29.07.2018);
3. "The Arbitration Procedure Code of the Russian Federation" dated 24.07.2002 N 95-FZ (as amended on 25.12.2018);
4. Farkhutdinov RD The role of judicial practice in legal regulation of entrepreneurial activity / Bulletin of Economics, Law and Sociology. No. 4-2011. S. 220-223;
5. Kuznetsova VV Features of the application of judicial practice when the arbitration court makes a judgment / Bulletin of the Volga Institute of Management. 2007.S. 97-101;
6. Ivanov SA Judicial decisions as a source of labor law / Judicial practice as a source of law. - M., 1997.

¹ См.: Кузнецова В.В. Особенности применения судебной практики при вынесении арбитражным судом судебного решения /Вестник Поволжского института управления. 2007. С. 98

² См.: Иванов С. А. Судебные постановления как источник трудового права /Судебная практика как источник права. - М., 1997. С. 27

³ См.: Кузнецова В.В. Особенности применения судебной практики при вынесении арбитражным судом судебного решения /Вестник Поволжского института управления. 2007. С. 99